E 49/46

Б 49
О 46

ПОЛОЖЕНІЕ,

НАЗНАЧЕННОЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССІИ

БОЖЕСТВЕННЫМЪ

ПРОВИДѢНІЕМЪ

или

ПРИЗВАНІЕ РОССІИ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ЗАПАДНОЙ ПРАВОСЛАВНО-КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ОВЕРБЕКА,
доктора богословія и философіи и профессора.

Съ нѣмецкаго перевёлъ православной Веймарской Маріи-Магдалинской церкви Протоіерей Владиміръ Ладинскій.

Веймаръ.
1870.

2007050143

Отъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Апрѣля 5 дня, 1870 г.

Цензоръ Архимандритъ Геласій.

„Въ той день возставлю скинію Давидову падшую, и возгражду падшая ея, и раскопанная ея возставлю, и возгражду ю, якоже дніе вѣка.“ (Амос. 9, 11.) —

I.

Около 25 лѣтъ тому назадъ, какъ я, прогуливаясь съ однимъ другомъ, богословомъ, коснулся вопроса, котораго важность съ каждымъ днемъ выступаетъ всё болѣе и болѣе. Мы говорили о прагматическомъ воззрѣніи на исторію, которое старается прослѣдить перстъ Божій въ судьбахъ людей и народовъ и испытывать Божественный планъ міроправленія. Мы говорили о возрастаніи и паденіи народовъ и о ихъ различномъ призваніи въ исторіи воспитанія человѣческаго рода. Тогда мой другъ высказалъ важныя слова: „Какъ романскіе народы должны были уступить мѣсто юнымъ германцамъ, такъ

и мы скоро вступимъ на тотъ путь, гдѣ Славяне пробудятся къ самосознанію, займутъ мѣсто въ исторіи и предпримутъ въ ней ту роль, какую указало имъ Божественное Провидѣніе.“ Слова моего друга были мнѣ тогда темны и загадочны; но я часто обращался къ нимъ моею мыслію. Они (эти слова) сначала казались мнѣ ничѣмъ болѣе, какъ любимымъ мнѣніемъ учёнаго, который избираетъ себѣ какую нибудь странную идею и испытываетъ на ней свое остроуміе. Но когда, мало по малу, славянскіе народы пробудились и заявили свое значеніе въ исторіи; когда они устроили свой политическій бытъ и заявили право на свободное самоопредѣленіе, — тогда самый слѣпой долженъ былъ увидѣть, что между славянами началось движеніе, которое должно имѣть важныя послѣдствія и призываетъ къ внимательному наблюденію. Прежде всего мы видимъ, что елементы движенія еще грубы (roh), народы косны (starr) и неразвязны, устройство машины неуклюже (unbeholfen), преслѣдуемыя цѣли, равно какъ и ведущія къ нимъ пути, еще темны и неопредѣленны. Мы видимъ далѣе многія ошибки въ выборѣ средствъ и путей; но самая худшая ошибка состоитъ въ подражаніе чужеземному.

Что не произрасло на собственной почвѣ, или, по крайней мѣрѣ, не совершенно однородно съ нею, то негодно и можетъ только вредить, какъ ядовитое или чужеядное растеніе. Славянскіе народы, какъ и всѣ другіе народы, которые работаютъ надъ своимъ возвышеніемъ, еще не разъ ошибутся въ средствахъ, сдѣлаютъ много ошибокъ, многому должны будутъ учиться и разъучиваться прежде чѣмъ они достигнутъ той внушающей уваженіе національной солидности (solidität), которая обезпечиваетъ и обусловливаетъ здоровое возрастаніе и ручается за почетное положеніе въ кругу народовъ.

II.

Что доселѣ было сказано о славянахъ, относится ко всѣмъ юнымъ націямъ; онѣ должны платить деньги за свое обученіе, дѣлаться болѣе мудрыми чрезъ вредъ, какъ это случается съ каждымъ человѣкомъ въ жизни. Но славянское движеніе представляетъ намъ одинъ признакъ, который не встрѣчался или не встрѣчается ни у какого другаго распространеннаго народа, именно: „стремленіе къ одному центру.“ Хотя естественно, что родственные народы примы-

каютъ одинъ къ другому, но такъ же естественно, что при этомъ возникаетъ родъ ревности, по которой одинъ народъ (связующій членъ) желалъ-бы превзойти другой въ могуществѣ и вліяніи и мало помалу поглотить слабѣйшій. Посему это есть замѣчательное явленіе, что славянскіе народы группируются около Россіи, какъ около центра. Даже тѣ изъ этихъ народовъ, которые политически соединены съ не-славянскими государствами, смотрятъ на Россію, какъ на нравственный центръ. Неоспоримо, что нѣкоторыя славянскія племена ревниво отстаиваютъ свою независимость и во чтобы-то ни стало хотятъ сохранить свою самостоятельность, но всё же они чувствуютъ влеченіе къ Россіи, не смотря на безпрестанныя предостереженія иностранной печати противъ русскаго властолюбія и страсти къ поглощенію. На чемъ же основывается эта притягательная сила Россіи? Не есть ли это личная притягательная сила царя, который подобно Карлу Великому или Наполеону, умѣетъ соединять народы въ одинъ очарованный кругъ? Или это можетъ быть русскія деньги, которыя должны руссифицировать славянскихъ братьевъ? Но откуда Россія возметъ столько денегъ, чтобы подкупить всѣ иностранныя пра-

вительства? И не говоритъ ли вседневный опытъ, что деньги производятъ лицемѣровъ, и не могутъ привязать сердца цѣлыхъ народовъ? Нѣтъ: это не есть личное вліяніе, ни подкупъ, ни интрига, которые соединяютъ славянскіе народы вокругъ Россіи, какъ центра, но это *есть великая и даже величайшая идея* (какая только есть для человѣка), *идея не безсодержательная*, но имѣющая *существенную дѣйствительность*, которая неразрывно соединяетъ славянъ вокругъ Россіи, не имѣя надобности въ ихъ присоединеніи. И эта великая идея не есть „панславизмъ“ (какъ называютъ её политики), но есть *„все-православіе“*, какъ называемъ её мы.

III.

Жизненная сила панславизма прочна, если онъ произрастаетъ изъ религіознаго корня „православія“, и слѣд. есть религіозно-политическое понятіе. Если же панславизмъ разсматривается только какъ политическое поцятіе, то онъ такъ же слабъ (hinfällig), какъ и сама политика, если она не основана на истинной религіи.

Въ Италіи и Германіи сдѣланы важные опыты ввести единство и централизацію. Но что

такое этотъ „Pan-Italismus“ (это все-итальянство)? Ничего болѣе, какъ несчастный опытъ соединить различныя другъ друга отталкивающія племена подъ однимъ управленіемъ. Житель Піемонта ненавидитъ Тосканца, Тосканецъ — Неаполотанца и. т. д. Религіозная связь не существуетъ; ибо папизмъ, невѣріе и суевѣріе раздѣляютъ націю.

Сѣверо-германскій союзъ есть, конечно, предвѣстникъ единства Германіи; но если это единство (объединеніе) состоится, что такое былъ-бы пан-германизмъ? Это было-бы воплощеніе новѣйшаго не-религіознаго культурнаго государства, которое (такъ какъ оно не знаетъ истинной религіи) само въ себѣ скрываетъ плодоносное сѣмя раздора и паденія.

IV.

Новѣйшее культурное государство есть продуктъ взаимодѣйствія протестанства и римскаго католицизма въ области политической. Оно (культурное государство) есть вынужденное соглашеніе, отчаянный „modus vivendi“ непримиримыхъ противоположностей. Между тѣмъ какъ каждый человѣкъ, вѣрующій въ Бога и въ без-

смертіе души, убѣжденъ, что онъ созданъ Богомъ и для Бога, что его назначеніе простирается за предѣлы этой жизни (слѣд. религія есть душа и основаніе его жизни), новѣйшее государство говоритъ: „Мы такъ раздѣлены въ религіозныхъ мнѣніяхъ, что не можемъ согласиться касательно общаго религіознаго основанія (basis), и однакожь мы должны жить въ одномъ домѣ. Для сохраненія желаннаго мира, мы не можемъ сдѣлать ничего другаго, какъ предоставить религію, какъ дѣло частное, каждому человѣку, и заниматься только дѣлами житейскими. Такъ что, церковь должна быть отдѣлена отъ государства или: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“.

Подобное разсужденіе кажется поверхностному наблюдателю справедливымъ и разумнымъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ аксіома новѣйшей политики, провозглашается со скамеекъ всѣхъ европейскихъ парламентовъ. Т. обр. оно должно быть истиннымъ (иначе какъ бы сошлись въ одномъ и томъ же воззрѣніи многіе просвѣщенные мужи)? Vox populi, vox Dei! Конечно и скопище Іудеевъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ кричало такъ же на Голгофѣ: „распни Его“.

Новѣйшіе принципы нерелигіознаго государ-

ства были бы, конечно, справедливы и разумны, если бы государство и религія могли быть раздѣлены. Но это такъ же невозможно, какъ невозможно въ живомъ человѣкѣ отдѣлить тѣло отъ души. Тѣло и душа соединены другъ съ другомъ тысячью тончайшихъ нитей; и именно это ихъ взаимное отношеніе составляетъ жизнь человѣка. Кто захотѣлъ-бы раздѣлить связующія нити души и тѣла, тотъ причинилъ-бы смерть человѣку. Даже врачь, который прежде всего имѣетъ дѣло съ нашей тѣлесной природой, долженъ, на первомъ планѣ, имѣть въ виду душевное настроеніе своего паціента, иначе его цѣлебныя средства будутъ недостаточны. И религія — душа человѣчества — должна ли быть, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, отдѣлена отъ государства?...

V.

„Свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ есть величайшая ложь нашего времени и означаетъ ничего болѣе, какъ „несвободная церковь въ несвободномъ государствѣ.“ Конечно есть области въ государственной и церковной жизни, гдѣ обѣ власти не соприкасаются и дѣйствуютъ совершенно свободно. Въ этихъ обла-

стяхъ онѣ могутъ двигаться параллельно одна съ другою, какъ двѣ соподчинённыя силы. Но гдѣ демаркаціонная линія мира? Она не существуетъ. И не переступаютъ ли обѣ власти, въ ихъ взаимныхъ притязаніяхъ, каждая въ чуждую ей область? Уже возгорѣвшаяся борьба не перейдетъ ли со временемъ въ разрушительную войну? Обратимъ наше вниманіе на два спорные пункта „на образованіе и бракъ.“ Безспорно, оба эти вопросы принадлежатъ государству и церкви. Доколѣ обѣ власти дѣйствуютъ на одномъ общемъ основаніи и идутъ другъ съ другомъ рука объ руку, вопросъ о томъ, которой изъ этихъ властей принадлежитъ по праву „образованіе народа и бракъ“ становится безполезнымъ и неважнымъ. Но какъ скоро гармонія между церковію и государствомъ прекращается; какъ скоро обѣ власти пожелаютъ раздѣлить отцовское наслѣдство (чтобы жить независимо), начинается борьба, которая кончится не прежде, какъ одна власть уничтожитъ другую, или обѣ погибнутъ вмѣстѣ.

Посмотримъ на оба спорные пункта нѣсколько ближе. Ясно, что вопросъ о народномъ образованіи составляетъ жизненный интересъ государства. Теорія одурачиванія, которая старалась

нѣкогда сдѣлать большую массу гражданъ послушными колёсами бездушной машины, перестала существовать; ибо „колёса“ начали думать, метать искры, которыхъ нельзя болѣе гасить. Народъ сталъ мыслить и хочетъ быть образованнымъ и воспитаннымъ. Тогда выступило государство и говоритъ: „школа принадлежитъ мнѣ; я должно заботиться объ образованіи народа, чтобы сдѣлать изъ него разумныхъ гражданъ. Государство предпринимаетъ необходимыя мѣры, клонящіяся къ благосостоянію подданныхъ и сохраненію ихъ здоровья; въ его же рукѣ находится забота и объ умственномъ образованіи народа. Здоровое тѣло и образованный умъ составляютъ главное условіе способнаго гражданина, каковымъ должна его сдѣлать моя школа.“ Напротивъ выступаетъ церковь и говоритъ: „школа принадлежитъ мнѣ; я должна заботиться объ образованіи народа, чтобы сдѣлать изъ него добрыхъ христіанъ. Но христіанство такъ тѣсно связано со всѣми отраслями знанія, что сдвали можно найти такую отрасль, которая бы такъ или иначе не зависѣла отъ религіозныхъ или нерелигіозныхъ убѣжденій учителя. Одно обученіе религіи не удовлетворяетъ требованіямъ церкви; религія должна входить во всё училищное обра-

зованіе. И что пользы отъ наставленія въ религіи, если та же самая религія будетъ систематически подкапываема въ исторіи, естествовѣдѣніи и философіи?“ Кто правъ, государство или церковь? Оба правы, но только въ ихъ соединеніи, а не раздѣленіи. Гдѣ здѣсь свободная церковь въ свободномъ государствѣ? Посмотрите на отечество Кавура. Тамъ устроены народныя школы, которыя отравляютъ ядомъ сердца дѣтей и взрослыхъ, школы, которыя внушаютъ ненависть къ религіи и духовенству, учатъ умственному и нравственному своеволію и не рѣдко подаютъ тому примѣръ въ самихъ учителяхъ. Не есть ли это ironія, когда говорятъ о „свободной церкви“ тамъ, гдѣ эта церковь только и имѣетъ свободы, что позволяетъ себя ругать и осмѣивать.

А что сказать о бракѣ? Государство имѣетъ право знать своихъ гражданъ и можетъ записывать въ своихъ реестрахъ родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ. Священники, съ своей стороны, могутъ дѣлать то же самое въ своихъ метрикахъ. Государство можетъ даже желать, чтобы бракъ, какъ и всякій другой контрактъ, былъ заключаемъ такъ же гражданскимъ образомъ, чтобы знать о немъ. Но если государство

объ условіяхъ и продолжительности брака имѣетъ совсѣмъ другое понятіе, чѣмъ церковь, то происходитъ непримиримое столкновеніе, которое бываетъ тѣмъ горче, что переходитъ въ борьбу о чести и добромъ именіи — самомъ первомъ и высшемъ благѣ человѣка на землѣ. Представимъ себѣ теперь (что случается часто): государство вѣнчаетъ чету, которой бракъ, по церковнымъ уставамъ, невозможенъ. Не узаконяетъ ли государство въ этомъ случаѣ грѣховнаго запрещеннаго церковію совокупленія и не прикрываетъ ли оное мантіею законной защиты? Государство возражаетъ противъ этого: „я не имѣю никакого дѣла съ совѣстію брачущихся; требованія ихъ совѣсти они могутъ устроять съ ихъ церковію! Но если теперь церковь говоритъ: „вашъ гражданскій дѣйствительный бракъ церковно недѣйствителенъ и потому не существуетъ предъ очами Божіими“ что дѣлаетъ государство? Оно не признаетъ приговора церкви и остается при своемъ распоряженіи. Что изъ этого слѣдуетъ? 1, то, что противорѣчіе между гражданскою и церковною практикою въ понятіи о бракѣ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ подрывъ церковнаго авторитета; 2, что государство ослабляетъ и разшатываетъ учрежденіе брака, а чрезъ это и

общественную нравственность; 3, и наконецъ вносится въ гражданское общество раздоръ, котораго церковь не можетъ уладить, не разрушая самой себя.

Изъ разсмотрѣнія вопросовъ о народномъ образованіи и о бракѣ мы видимъ, что здѣсь вовсе не идетъ дѣло о „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“, но что государство смотритъ на себя, какъ на единовластителя въ домѣ, ничего не хочетъ знать о существованіи церкви, управляетъ своимъ хозяйствомъ по своей волѣ и спокойно предоставляетъ церкви дѣлаться, какъ она хочетъ, съ даннымъ ей отъ правительства распоряженіемъ. Если это распоряженіе противорѣчитъ ученію церкви, то спокойно оставляетъ её роптать и протестовать, нимало объ этомъ не безпокоясь. Так. обр. государство дѣлаетъ, что хочетъ т. е. наслаждается полною свободою; а церковь дѣлаетъ, что можетъ, т. е. что государство ей позволитъ, и так. образомъ находится въ несомнѣнномъ рабствѣ. Что же, не должно ли сказать: „несвободная церковь въ свободномъ государствѣ?“ Вовсе нѣтъ. Государство не можетъ быть свободно, если входитъ въ чужую область. И время покажетъ, что подобный захватъ государства произведетъ реакцію, которая

потрясетъ до основанія нерелигіозныя государства и подвергнетъ вопросу самое ихъ существованіе. Борьба уже началась и не окончится скоро.

VI.

Кто виноватъ въ этомъ разладѣ между государствомъ и церковію? Гдѣ корень зла? Многіе указываютъ на великую французскую революцію, какъ на исходный пунктъ новой эры освобожденія государства изъ-подъ материнской власти церкви. Но откуда происходятъ государственные принципы французской революціи? Отъ англо — французской философіи энциклопедистовъ. На чемъ была основана эта философія? На принципѣ свободнаго изслѣдованія, введенномъ протестантизмомъ. Но чѣмъ произведено на свѣтъ протестанство? Романизмомъ съ его безмѣрными духовными и мірскими притязаніями. Уже со временъ Виктора и Стефана папство заявило свои властолюбныя притязанія, но было удержано въ надлежащихъ границахъ восточною церковію. Притязанія Рима возрастали всё болѣе, доколѣ востокъ разорвалъ связь съ своею западною сестрою и предоставилъ ей итти своею собственною дорогою. Западный патріархатъ, освобо-

дившись отъ контроля своей восточной сестры, сталъ наслаждаться полною свободою дѣйствія. Впродолженіи пятидесяти лѣтъ (1123—1179) было созвано три такъ называемыхъ вселенскихъ собора, чтобы выставить западъ единственнымъ представителемъ каѳолической церкви, и возвратить папѣ то верховное положеніе, которое составляетъ теперь сущность романизма, но которое никогда не принадлежало папѣ до раздѣленія церквей. Въ то время римскій патріархъ и не отваживался никогда добиваться своего главенства надъ церковію, очень хорошо зная, что его желаніе встрѣтитъ неудачу. Римляне имѣютъ обыкновеніе считать синонимическими понятіями первенство (primat) и главенство (supremat). Однакожь въ существенствомъ различіи этихъ понятій заключается правильное пониманіе католичества, какъ оно было до раздѣленія церквей и какъ теперь еще непзмѣнно сохраняется въ православной церкви. Увертка Римлянъ состоитъ въ томъ, что они не знаютъ-де этого различія, однимъ легкимъ движеніемъ руки проходятъ по-верхъ его или его сдуваютъ, какъ незначительную пылинку. Если, какъ утверждаютъ Римляне, примат ство необходимо заключаетъ въ себѣ главенство, какъ необходимое

его развитіе, то какъ могло случиться, что первыя притязанія Виктора и Стефана вызвали такое волненіе въ церкви? Если бы тогдашніе епископы подъ „примatствомъ“ разумѣли то, что понимаютъ теперь въ Римѣ, то раздраженіе епископовъ было-бы необъяснимо. Римляне удержали слово „примatство“, но придали ему ложное неисторическое понятіе.

Они обратили „примatство“ въ главенство“, и находятъ легко доказательства, что оба понятія синонимичны. Православная церковь всегда держалась твердо древней каѳолической истины, что примatство и главенство суть два совершенно различныя понятія и отстоятъ одно отъ другаго, какъ — небо отъ земли; что примatство есть установленіе человѣческое, а главенство мнимо-Божественое; что между ними нѣтъ никакого сообщенія (brüke) т. е. первоначально человѣческое не можетъ, съ теченіемъ времени, превратиться въ нѣчто Божественное. Понятія „примatство“ и „главенство“ различны между собою не только количественно (quantitativ), но и качественно (qualitativ).

VII.

Остановимся здѣсь на минуту; ибо вопросъ о „приматствѣ“ и „главенствѣ“ и образуетъ тотъ исходный пунктъ, гдѣ православіе отдѣляется отъ романизма. Тѣ, которые утверждаютъ, что „папство“ (какъ оно представляется послѣ раздѣленія церквей) есть единственная причина отдѣленія востока отъ запада, имѣютъ полное право. И это не потому, будто мы не признаемъ важности другихъ спорныхъ пунктовъ; но потому что всѣ эти спорные пункты гнѣздятся въ *одномъ* (главенствѣ), и съ этимъ однимъ падаютъ. Напр. если папство не есть всемогущій органъ догматики и церковнаго управленія (какъ утверждаютъ Римляне), то „filioque“ не есть догматъ, ограниченіе власти епископовъ не есть потеря невозвратимая, обязательное безбрачіе духовенства не есть обязующій властный церковный законъ и пр.

Исходный пунктъ къ оцѣнкѣ различія между „приматствомъ“ и „главенствомъ, представляетъ папа Викторъ I *). Послушаемъ, что го-

*) См. Рудольфа Баксмана („Politik der Päpste“ Elberfeld 1868—1869 B. 1. p. 7.)

воритъ ревнитель римскій профессоръ Гагеманъ *):

Послѣ того какъ Гагеманъ привёлъ вкратцѣ разказъ Евсевія о спорѣ между Поликарпомъ и Викторомъ, онъ продолжаетъ: „явно, что по любви къ преданію должно было-бы сохранить существующій порядокъ, не смотря на то, что умъ и христіанство говорятъ въ пользу лучшей практики западной церкви. Здѣсь обнаруживается неподвижность, которая тормозитъ всякій здравый прогрессъ къ лучшему, и ничѣмъ неоправдываемое преувеличеніе само по себѣ справедливаго церковнаго принципа.“ Так. обр. принципъ преданія признается церковно-каѳолическимъ; но преувеличеніе его ничѣмъ неоправдываемымъ! Преданіе было на сторонѣ Поликарпа, однакожь Викторъ былъ правъ! Къ чему же и служитъ преданіе (что его за достоинство), если оно не руководитъ насъ надёжно? И что это за правила, которыя должны предохранять насъ отъ преувеличеній при пользованіи преданіемъ? Гагеманъ отвѣчаетъ: умъ и христіанство. Так. обр. принципъ субъективнаго

*) „Римская церковь и ея вліяніе на дисциплину и догматъ въ трехъ первыхъ столѣтіяхъ.“ Freiburg in Breisgau 1864.

раціонализма (какъ его проповѣдуетъ протестантизмъ) есть первое начало, которое должно руководить нами при выборѣ и пользованіи преданіемъ. И если умъ Поликарпа говорилъ, что было-бы дѣломъ самымъ разумнымъ оставаться при апостольскомъ учрежденіи, такъ какъ апостолы должны были знать дѣло лучше насъ, то умъ Поликарпа былъ не столько ли же справедливъ, какъ и умъ Виктора, приведшій къ противоположному результату? Такъ-то идетъ дѣло въ области раціонализма: только собственный умъ господина N... есть умъ въ собственномъ смыслѣ, а все укоряющееся отъ него есть безуміе. Что разумѣетъ Гагеманъ подъ „христіанствомъ“ мы не знаемъ; да вѣроятно и самъ онъ не вѣдаетъ. Христіанство научаетъ насъ держать преданіе (2 Ѳессал. 2, 15), а не передѣлывать его „по началамъ разума.“

Гагеманъ продолжаетъ: такое преувеличеніе мало-азійскими церквами понятія о преданіи можетъ быть объяснено письмомъ Фирмиліана кесарійскаго къ Кипріану въ вопросѣ о дѣйствительности крещенія еретиковъ. Папа Стефанъ ссылался въ этомъ дѣлѣ (и притомъ въ самомъ строгомъ тонѣ) на преданіе. Каждое нововведеніе было имъ запрещено; преданіе должно быть, по

нему, сохраняемо твердо и ненарушимо. Указаніемъ на такое значеніе преданія, Стефанъ задѣлъ мало-азійцевъ за самую чувствительную сторону. Поэтому Фирмиліанъ въ своихъ письмахъ къ Кипріану неоднократно обращаетъ рѣчь на этотъ именно предметъ и кажется имѣетъ намѣреніе ослабить этотъ самый сильный аргументъ своего противника. Онъ замѣчаетъ: „сами Римляне не во всѣхъ случаяхъ сохраняютъ преданіе, и потому напрасно отговариваются авторитетомъ Апостоловъ.“ Стефанъ старался снова утвердить „главенство“, которое Викторъ тщетно силился ввести. Какъ Викторъ для своей цѣли разшатывалъ преданіе, такъ Стефанъ, въ своемъ споръ о крещеніи еретиковъ, слѣдовалъ противоположному пути, и опъ-де потому побѣдилъ. Это было-бы гораздо лучше, если бы Стефанъ и прочіе паны сдѣлали преданіе руководящею нитью во всѣхъ своихъ притязаніяхъ. Но (какъ рѣзко и справедливо замѣтилъ Фирмиліанъ) какъ можетъ одинъ и тотъ же человѣкъ въ одномъ пунктѣ ссылаться на преданіе, а во всѣхъ другихъ его отвергать? Но такова именно практика папъ: гдѣ преданіе говоритъ въ ихъ пользу, тамъ они ссылаются на него, а гдѣ нѣтъ, тамъ они его не знаютъ, поддѣлываютъ или ставятъ ни во-что.

VIII.

Таково естественное слѣдствіе первороднаго грѣха, что папская гордость продолжала себѣ строить храмъ самообожанія. Господь допустилъ это, какъ допустилъ Онъ и построеніе вавилонской башни, но Онъ озаботится, чтобы башня не достигла неба. „Подчиненіе Риму“ — вотъ лозунгъ властолюбивыхъ папъ. Покуда имъ уступали и подчинялись, они были добрыми, снисходительными владыками, которые не были требовательны въ другихъ вещахъ и не дѣлали труднымъ путь къ небу. Когда св. Меѳодій, не испросивъ напередъ покорнѣйше позволенія у папы, ввёлъ славянскую литургію, то возникъ непріятный споръ, о которомъ Баксманъ замѣчаетъ: (11. S. 56): „главное дѣло папы во всѣхъ этихъ спорахъ было подчиненіе Риму.“ Если бы было признано главенство римскаго престола, хотя бы только на словахъ, то Іоаннъ снизошелъ-бы; онъ даже „Filioque“ не считалъ особенно важнымъ, и слѣд. не пошёлъ-бы противъ Фотія, съ которымъ Іоаннъ, къ концу своего правленія, опять помирился.

Доколѣ папы ограничивали свое главенство тѣмъ, что старались подчинять себѣ князей и епископовъ и видѣть всё у ихъ ногъ, дѣло еще не было слишкомъ худо. Но какъ скоро они пожелали быть владыками Вѣры, сочинять догматы и каноны по своему усмотрѣнію, ихъ власть стала разрушительна для церкви. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „главенство,“ произшедшее отъ неуваженія къ апостольскому преданію, должно было распространить свой произволъ и на догматы вѣры; однако же священный страхъ и союзъ съ церковію восточною удерживали Римъ въ границахъ православія. Хотя и существовали нѣкоторыя особенныя мнѣнія на западѣ, но только послѣ раздѣленія церквей папа имѣлъ духъ или лучше сказать дерзость объявить ихъ догматами. Какъ скоро папство стало на эту крутую дорогу, не было и не будетъ конца его развитію, доколѣ изъ первоначальной лжи, (будто папство есть juris divini Божескаго происхожденія, не будетъ выведено послѣднее заключеніе, что папа непогрѣшимъ eritis sicut Deus! Такъ первая и послѣдняя ложь сходятся въ одномъ заколдованномъ кругу, какъ змѣя, которая кусаетъ себѣ хвостъ.

Неудивительно, что такое погибельное созданіе, какъ главенство, пользовалось ложью и обманомъ при своемъ построеніи. Основаніе и утвержденіе римской церковной власти совершилось *) чрезъ подлоги и особенно чрезъ такъ называемыя исидоровскія декреталіи. Подлоги эти состояли въ томъ, что права и опредѣленія, на которыхъ папы основывали свои притязанія, отнесены къ древнѣйшему времени. Подложность декреталій и другихъ вымысловъ открыта наукою только въ позднѣйшее время. Такъ что, впродолженіе цѣлыхъ столѣтій, папы основывали на этихъ вымыслахъ свою безграничную церковную власть и отражали всѣ возраженія противъ ихъ притязаній. Теперь вопросъ: „достойно ли это Божественнаго авторитета? Можетъ ли быть такой подлогъ и такой обманъ истиннымъ фундаментомъ для церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины? И если римская церковь непогрѣшима, почему такой обманъ не былъ тотчасъ узнанъ ею и отвергнутъ? Нельзя возражать, будто это входило въ область историческаго изслѣдованія; ибо дѣло шло не о безразличныхъ историческихъ фак-

*) См. Фрогшаммера: „das Recht der eigenen Ueberzeugung.“ Leipzig 1869 г. S. 76 Fg. —

тахъ, но о такихъ, на которые ссылались для доказательства Божескаго права римскаго главы и на которыхъ основывали безграничныя римскія притязанія. Положимъ, теперь, (подъ печатію полнѣйшаго молчанія), были бы предложены церкви подобные подлоги, чтобы основать на нихъ извѣстныя притязанія. Не должна ли была бы церковь, въ силу своей истинности и святости, отвергнуть ихъ? Такъ точно она должна была поступить и тогда; и если она была истинно непогрѣшима, то должна была тотчасъ узнать обманъ, который касался ея собственнаго внутреннѣйшаго бытія. *Ужели* Господь основалъ непогрѣшимый церковный авторитетъ и не далъ ему способности узнавать такіе подлоги, которые будучи рано или поздно открыты, могли его компрометтировать, и даже подвергнуть вопросу не только его прозорливость, но даже честность? Непогрѣшимость наша не доказывается на дѣлѣ, когда должна была прежде притти наука, чтобы узнать и открыть эти подлоги. Какъ же теперь этотъ церковный авторитетъ будетъ господствовать надъ наукою и вести её ко всякой истинѣ? Какъ онъ будетъ для государства непогрѣшимымъ руководителемъ ко всякой правдѣ, если

опъ, впродолженіе столѣтій, не узналъ обмана въ своей собственной организаціи?

IX.

Этотъ принципъ лжи и перенесеніе позднѣйшихъ отношеній и воззрѣній (римской церкви) на древнѣйшія времена, Фрогшаммеръ открываетъ въ колыбели папства. Онъ говоритъ:*) „Гдѣ находятся положительныя свидѣтельства и доводы для абсолютной власти римскаго папы, для его личной непогрѣшимости? Гдѣ то уполномочіе, по которому именно римскій епископъ присвоиваетъ себѣ Божественное преимущество? Кто хочетъ отвѣтить на этотъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія, тотъ долженъ прежде всего изслѣдовать нѣтъ ли объ этомъ какого либо распоряженія или слова І. Христа, или не содержится ли чего нибудь въ этомъ родѣ въ апостольскихъ писаніяхъ? Но онъ будетъ напрасно изслѣдовать. Нигдѣ І. Христосъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго указанія, что Римъ назначенъ быть центромъ и главою Его религіи — Его Божественнаго царства на землѣ, что епископу римскому принадлежитъ власть надъ всею церковію, или даже надъ всѣмъ міромъ. Господь

*) Frohschammer S. 83 fgg.

нигдѣ не говоритъ объ основаніи государственнаго могущества, правительственной власти и царства, напротивъ Онъ запрещаетъ своимъ ученикамъ всякое господство (Лк. 22, 25; Мѳ. 20, 25, Мар. 10, 42).

Какъ же это возможно и какъ это объяснить, если признать безусловное господство римскаго епископа чѣмъ-то наиважнѣйшимъ для царства Господа и Его дѣла, если это дѣло Спасителя должно быть основано на власти папы и безъ признанія духовнаго господства Рима никто не можетъ имѣть и части въ Господѣ и Его дѣлѣ? Относительно этого столь важнаго, всё рѣшающаго римскаго учрежденія была-бы желательна полная ясность и увѣренность учениковъ Господа и всѣхъ другихъ вѣрующихъ, и Господь не оставилъ-бы сдѣлать это посредствомъ опредѣленнаго рѣшительнаго приговора и распоряженія. Но объ этомъ (въ ученіи Господа) нѣтъ ни слова. Апостолы такъ же не говорятъ и не рѣшаютъ объ этомъ ничего. И даже въ первыхъ вѣкахъ христіанства только кое гдѣ находятся у церковныхъ писателей указанія о значеніи Рима для христіанской церкви или о римской церкви, но эти указанія только съ трудомъ *могли бы быть перетолкованы и об-*

*ращены въ свидѣтельства о римскомъ примат*ствѣ. Было ли бы это возможно, если бы Христосъ Самъ облекъ Римъ и его епископа абсолютною всё рѣшающею властію? И какимъ образомъ, при такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть узнано и признано римское примат*ство (какъ непосредственно Божеское сверхъ-естественное учрежденіе), если ему недостаетъ твердыхъ точекъ опоры? Наука, по крайнѣй мѣрѣ, не находитъ ни одной изъ таковыхъ, напротивъ еще находитъ доводы противъ сверхъ-естественнаго (или непосредственно даннаго Богомъ) характера примат*ства и верховной власти римскаго епископа. Пусть посмотрятъ на существовавшія міровыя отношенія во время происхожденія и распространенія христіанства, именно: на господствующее положеніе Рима относительно различныхъ народовъ, странъ и городовъ и потомъ на то обстоятельство, что императоръ перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ Константинополь именно въ то время, когда христіанство распространилось и сдѣлалось господствующимъ. Отсюда будетъ ясно, что преимущество римскаго епископа произошло совершенно естественно, и если примат*ство должно было произойти въ церкви, то это могло случиться только въ Римѣ.

Потому что нигдѣ не было столь благопріятныхъ естественныхъ къ тому условій, какъ въ Римѣ и нигдѣ *менѣе* не требовалось чрезвычайнаго къ тому дѣйствія и приготовленія, какъ въ древней столицѣ кесарей. Было-бы болѣе удивительно, если бы при такихъ благопріятныхъ естественно-историческихъ обстоятельствахъ примatство не произошло въ Римѣ, чѣмъ то, что оно тамъ явилось. Но именно поэтому-то самому чрезвычайный характеръ церковнаго примatства и сдѣлался непадежемъ и недопустимъ, что онъ произошелъ въ Римѣ, гдѣ онъ могъ явиться и безъ этого, въ слѣдствіе естественнаго хода дѣлъ. Произшествіе, которое можетъ быть объяснено изъ естественныхъ обстоятельствъ, не можетъ быть принимаемо какъ сверхъестественное, непосредственно Божеское и чудесное..., по крайнѣй мѣрѣ не достаётъ для такого принятія критерієвъ и мотивовъ. Можно сказать: вездѣ, гдѣ только не произошло-бы церковное примatство, оно было-бы легче признано непосредственно Божескимъ учрежденіемъ, чѣмъ въ Римѣ, гдѣ оно могло произойти безъ всякаго чрезвычайнаго приготовленія. Но что именно оно произошло въ Римѣ, то это для научнаго взгляда (даже съ

христіанской точки зрѣнія) есть доказательство противъ его сверхъ-естественности и Божественности. Если бы сдѣлалось центромъ христіанской церкви какое нибудь исторически незначительное мѣсто, то въ этомъ можно было бы видѣть дѣло высшаго распоряженія. Но о Римѣ сказать этого нельзя: онъ исключаетъ мысль о высшемъ распоряженіи, не представляя для нея точки опоры, и потому никто не обязанъ (ни религіозно, ни нравственно) этому вѣрить."

Къ сему сочинитель присовокупляетъ замѣчаніе: „все это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что еще не доказано исторически ясно и твердо, что Ап. Петръ дѣйствительно былъ въ Римѣ и тамъ умеръ. Мы не говоримъ, что противное мнѣніе доказано твердо, но замѣчаемъ только, что этотъ вопросъ совершенно спорный, а это и составляетъ роковой ударъ для римскихъ притязаній. Не долженствовало ли Божественное откровеніе озаботиться, чтобы это важнѣйшее учрежденіе римскаго примата было поставлено выше всякаго сомнѣнія (ясно и твердо), чтобы римскія притязанія на первенство вмѣсто того, чтобъ быть полезными и потребными для церкви, не сдѣлались постоянымъ поводомъ (что и случилось) къ ссорѣ и раздѣленію? И что это за Божественное учре-

жденіе, которое такъ неясно и сомнительно, что изъ-за него происходятъ постоянные споры, и для подтвержденія римскихъ притязаній нужно было прибѣгать къ вышеупомянутымъ подлогамъ! Замѣчательное дѣло: въ основаніе римскихъ притязаній полагается вѣра въ такой фактъ, который не можетъ быть засвидѣтельствованъ даже человѣческимъ естественно-историческимъ путемъ, не говоря уже о свидѣтельствѣ Божественномъ; и однакожъ на этой вѣрѣ неимѣющей твёрдаго свидѣтельства, должна быть основана вѣра въ абсолютный авторитетъ римскаго епископа!“

X

Самое вѣрное испытаніе истины и надёжность принципа состоитъ въ томъ, чтобы этотъ принципъ могъ быть доведенъ до самыхъ крайнихъ его слѣдствій. Если принципъ не истиненъ, или истиненъ только въ половину, то въ выводахъ произойдетъ ошибка. Если же принципъ вѣренъ, то процессъ выводовъ докажетъ истину съ непререкаемою ясностью. Есть, конечно, робкіе люди, которые кричатъ: „не нужно дѣлать заключеній до крайности“, но такіе люди суть

не болѣе, какъ полувѣрующіе, которые боятся, что ихъ принципъ (если посмотрѣть на него пристальнѣе и при свѣтѣ) не выдержитъ пробы. Если теперь римляне смотрятъ на папство, какъ на Божественное учрежденіе, то они имѣютъ полное право выводить отсюда дальнѣйшія заключенія. Въ этомъ отношеніи крайніе ультрамонтаны суть самые послѣдовательные люди и заслуживаютъ въ высшей степени наше вниманіе. Но такъ называемые либеральные католики, которые хотятъ Божескаго папства, но безъ его выводовъ; которые желаютъ остановить внизъ катящуюся повозку, чтобы она не разбилась въ дребезги, — это суть тѣ мудрые любители средины, которые однакожь ничего болѣе не достигаютъ, какъ того, что къ концу образуютъ арріергардъ ультрамонтанизма. Такъ это было въ дѣлѣ „о непорочномъ зачатіи“, такъ это будетъ и при догматизированіи папской непогрѣшимости т. е. много шума прежде, и мало дѣла послѣ. Громко протестуютъ, говорятъ о свободѣ, но какъ только папа откроетъ свой ротъ, уступаютъ хотя и нѣмо, мѣнкатно и съ горько — сладкимъ лицемъ. Тысячелѣтняя привычка къ папскому рабству сломила свободный духъ (епископовъ), такъ что они, не смотря на

лучшее воззрѣніе, слѣдуютъ путемъ своихъ отцевъ, не испытывая точно ли путь, которымъ они идутъ, есть истинно католическій. Между тѣмъ мы не сомнѣваемся, что между протестующими католиками, (которые понимаютъ важность времени и притязанія папства) есть множество избранныхъ, твердыхъ и рѣшительныхъ душъ, которыя истину предпочитаютъ ложному пути столѣтняго рабства и будутъ *дѣйствовать* сообразно съ ихъ убѣжденіемъ. На это избранное число католиковъ мы возлагаемъ нашу надежду и къ нимъ обращаемъ слѣд. слова: „Вы страшитесь опасности для католической церкви отъ предстоящаго догматизированія папской непогрѣшимости: но не допустили ли вы уже этой непогрѣшимости на дѣлѣ (de facto)? Развѣ не въ силу папскаго объявленія принятъ догматъ о непорочномъ зачатіи? (См. наше сочиненіе „православно-католическое воззрѣніе“ Галле 1865, стр. 10—15). Больное мѣсто и корень зла заключается не въ развитіи папства въ непогрѣшимый органъ, папства, основаннаго на Божественномъ правѣ, но въ самомъ этомъ Божественномъ правѣ. Если вы допускаете, что папство есть не только церковное, но непосредственно Божеское учрежденіе, то должны допустить такъ же и необходимыя отсюда

слѣдствія. Конечное же слѣдствіе есть безъ сомнѣнія папская непогрѣшимость, которая, по справедливости, кажется вамъ чудовищною, но которая есть логическое слѣдствіе ложныхъ посылокъ. Удалите посылки, заключеніе падетъ само собою.

XI.

Ученіе о папской непогрѣшимости находитъ даже между церковно-настроенными католиками рѣшительныхъ противниковъ, какъ это показываютъ нпр. боиско-кобленцкій адресъ міряпъ къ архіепископу кёльнскому и епископу трирскому, сочиненія Михелиса, Ліано и каноника Аббе де Saint-Pol. Профессоръ доторъ Михелись *) издалъ недавно сочиненіе: „непогрѣшимость при свѣтѣ католической истины и ложь, которою пользуется при этомъ новѣйшая защита.“ (Браунсбергъ 1869).

Объ этой лжи (Humbug) сочинитель предъусматриваетъ, что школа, которая её вдохновляетъ, „имѣетъ въ виду взять въ руки будущее воспитаніе нѣмецкаго клира.“ Онъ дѣлаетъ ло-

*) Онъ, въ своихъ „пятидесяти тезисахъ касательно устройства церковныхъ отношеній настоящаго времени“ нападалъ на абскурантизмъ.

гическій выводъ, что съ объявленіемъ „папской непогрѣшимости“ былъ-бъ измѣненъ и уничтоженъ весь составъ церкви въ томъ его видѣ, какъ онъ былъ принятъ каѳолическою церковію отъ самаго І. Христа. Аббе-де Сентъ-Поль въ своемъ сочиненіи („Der Ultra-Katholicismus in England“) говоритъ еще сильнѣе: Самъ Беллярминъ, по нему, смотрѣлъ на папство, какъ только на ограниченную монархію. Непогрѣшимость папы на первый взглядъ кажется только благочестивою иперболой преданности римскому первосвященнику, но при ближайшемъ разсмотрѣніи она представляется „революціею въ церкви и обществѣ.“ Ультра-католическая школа есть противникъ (можетъ быть безсознательный, но дѣйствительный) истинныхъ принциповъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ; противникъ неумолимый всякаго честнаго и свободнаго выраженія мнѣній, которыя противны его доктринамъ; онъ есть самый преданный апостолъ религіознаго и политическаго абсолютизма. Так. обр. питомцы этой гибельной школы всегда появляются въ авангардѣ антилиберальной и ретроградной партій, какъ одобрители гнёта, защитники мѣръ, ограничивающихъ свободу гражданина, поклонники принуж-

деній, приверженцы абсолютныхъ теорій, которыя суть отрицаніе естественнаго порядка, законовъ и правъ совѣсти, правъ и обязанностей человѣка и гражданина; (приверженцы) тѣхъ злополучныхъ теорій, которыя (уже около полустолѣтія) изрыли неизмѣримую пропасть между церковію и новѣйшимъ обществомъ.“ Затѣмъ онъ продолжаетъ: Да, мы не боимся признаться, что ультра-католицизмъ есть арсеналъ раздоровъ и очагъ постоянной войны между религіознымъ и гражданско-политическимъ обществомъ. И можетъ ли быть иначе? Чтобы быть дѣйствительно православнымъ католикомъ, необходимо въ теоріи и на практикѣ сдѣлаться безмощаднымъ ультрамонтаномъ. Нельзя найти ни одного просвѣщеннаго человѣка (какъ бы мало онъ ни цѣнилъ свое человѣческое и гражданское достоинство), который бы захотѣлъ подчиниться столь уничижительному положенію и который бы не предпочёлъ оставить церковь, чтобы въ религіозномъ индифферентизмѣ искать убѣжища для своей возмущенной совѣсти. Ложный духъ системы не есть ли всегда источникъ ложной науки, источникъ нетерпимости и неправды. Мы сожалѣемъ поэтому появленіе въ мірѣ школы, которая находитъ себя вынужденною перестроить

исторію по закону противорѣчія и въ интересѣ своихъ абсолютныхъ началъ. Ультрамонтанизмъ считаетъ дѣломъ благочестивымъ обвинять въ схизмѣ и ереси тѣхъ, которые на столько глупы, что остаются непоколебимыми въ вѣрѣ ихъ отцевъ.

Каждый болѣе дальновидный католикъ долженъ сердечно желать, чтобы предстоящій римско-ватиканскій соборъ состоялся и имѣлъ-бы свой ничѣмъ невозмутимый успѣхъ. Ибо отцы собора и особенно Пій IX будутъ лучшими помощниками къ разрушенію римской и къ возсозданію нашей западной православной церкви. Конечно іезуиты попытаются сдѣлать еще кое какія починки въ гниломъ зданіи. Они постараются истолковать боязливымъ либеральнымъ католикамъ соборные декреты и оправдать ихъ на словахъ. Они станутъ доказывать, что дѣло въ концѣ концевъ осталось по-прежнему, что не должно понимать словъ такъ строго, что практика сгладитъ многое, что въ теоріи кажется отталкивающимъ и. т. д. Между тѣмъ думаютъ они съ папою: „quod decretum est, decretum est“ и мы можемъ, въ извѣстное время, сдѣлать изъ этого употребленіе, какъ скоро мы на столько образуемъ и воспитаемъ

нашихъ вѣрующихъ. Однакожь есть между римскими католиками и люди способные, которые не позволятъ себя такъ легко провести. Принципъ двусмысленности (или лучше многосмысленности) есть душа іезуитизма, который уже три столѣтія господствуетъ надъ романизмомъ. Іезуиты господствуютъ чрезъ папу и для папы, но собственно говоря, чрезъ папу для себя самихъ. Если папа непогрѣшимъ, то собственно говоря они непогрѣшимы и всемогущи. *).

---

*) См Фрошаммеръ стр. 179: „папа бываетъ отождествляемъ съ церковію, во всѣхъ отношеніяхъ обоготворенъ и неограниченно сдѣланъ на землѣ Господомъ, которому всё должно покоряться безусловно и слѣпо. Не желая дѣлать сравненіе между лицами, мы однакожь должны сказать, что эта централизація и обоготвореніе (папы), котораго теперь добиваются въ Римѣ, напоминаетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, древнее время римскихъ императоровъ съ ихъ всемогуществомъ и ихъ обоготвореніемъ. Кесари считали себя богами относительно безсильнаго рабскаго міра съ одной стороны, и относительно живаго, возрастающаго и сильнаго духомъ христіанства съ другой; но христіанство хотя готово было оказывать кесарю человѣческую покорность, но отказывало ему (тлѣнному слабому человѣку) въ Божеской чести. Со времени возстановленія іезуитскаго ордена нѣтъ такъ же недостатка и въ преторіанцахъ. И въ этомъ отношеніи можно сдѣлать сравненіе между тотдашнимъ и теперешнимъ временемъ: римская политика имѣла обыкновеніе собирать въ Римъ благородныхъ юношей изъ среды покоренныхъ народовъ. Эти юноши были воспитываемы въ римскомъ духѣ и потомъ отсылаемы

XII.

Есть два обстоятельства, которыя представляютъ глазамъ публики римскія нововведенія въ умѣренномъ свѣтѣ. Это вопервыхъ іезуитская двусмыслешность въ *словахъ* папскихъ опредѣленій, такъ что каждая партія можетъ извлекать изъ нихъ то, что къ ней больше подходитъ и что ей угодно. Съ другой стороны, папы издавали уже такое множество опредѣленій и приказаній, что міръ даже не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Въ періодъ папскаго всемогущества міръ шёлъ своею дорогою, какъ это было угодно Господу, а не папѣ. Поэтому, думаетъ публика, нѣтъ надобности придавать папскимъ словамъ столь большое значеніе. Что въ этихъ словахъ есть дѣйствительно практическаго,

обратно въ свое отечество, чтобы они дѣлали тамъ пропаганду въ пользу Рима, или, чрезъ возбужденіе раздора, ослабляли, по крайней мѣрѣ, силу покоренныхъ націй. И теперь каждогодно посылается въ Римъ значительное число, большею частію, талантливыхъ юношей для образованія ихъ (въ извѣстной коллегіи) въ римской схоластической наукѣ и искуствѣ; они должны защищать и распространять эту науку и искуство противъ науки новѣйшей, особенно германской, къ которой они бываютъ исполнены неуваженія и отвращенія.

то придетъ въ исполненіе, а что въ нихъ есть извращеннаго и несвоевременнаго, то разсѣется, какъ плевелы отъ вѣтра, и будетъ забыто. Чѣмъ болѣе стали бы возражать противъ папскихъ словъ, тѣмъ болѣе поднялось бы ненужной пыли... Должно оставить его святѣйшество говорить, что ему угодно, но послѣ можно почтительно игнорировать то, что недостойно или несвоевременно. Таково воззрѣніе людей мирныхъ. Однакожь нельзя покончить съ этимъ дѣломъ столь просто и миролюбиво; гдѣ неправда выступаетъ смѣло и дерзко, тамъ на самомъ миролюбивомъ человѣкѣ лежитъ обязанность быть рѣшительнымъ защитникомъ правды, а не скрываться за горою. Гдѣ неправедное присвоеніе утверждается, какъ право, такъ должно протестовать, чтобы это присвоеніе не сдѣлалось правомъ по причинѣ давности, но чтобы міръ и потомство знали, что мы бодрствовали, когда злой врагъ сѣялъ плевелы между пшеницею. Папы имѣли практику всегда требовать болѣе, чѣмъ они могли разумнымъ образомъ ожидать, что государи и народы уступятъ имъ... Отсюда произошло обыкновеніе у государей и народовъ спокойно оставлять папу требовать что ему угодно, но давать только то, что имъ заблагоразсудится. Такое обыкновеніе

и практика были пагубны, ибо папы никогда не отказывались отъ однажды сдѣланаго требованія, хотя они и принимали молча то, что имъ предлагали, такъ какъ не могли получить болѣе. Но требованіе было сдѣлано и его сохраняли въ архивѣ для того, чтобы въ болѣе удобное время его извлечь оттуда и представить какъ древнее опредѣленіе. Поэтому Пій IX гораздо могущественнѣе на словахъ, чѣмъ Григорій VII и Иннокентій III. Теперь время, чтобы эти притязанія и требованія были отнесены къ области иллюзій и сновидѣній, къ каковымъ онѣ и принадлежатъ; чтобы выражено было на словахъ то, что доказано исторіею, именно, что папство жадно простерло руки на чужое имѣніе и добро и разорило апостольскій зологъ вѣры.

Непонятное глупое утвержденіе, которое въ настоящее время подогрѣвается, во всѣхъ возможныхъ формахъ, папскими газетами, *что папское государство есть единственно законное между всѣми другими государствами европы, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе законное между другими.* Слѣдовало-бы утверждать противное мнѣніе, ибо исторія произноситъ другой приговоръ о папствѣ. Что можно, даже при самомъ смѣломъ толкованіи, сказать на слова Спасителя: „царство Мое

не отъ міра сего?“ И если тотъ же самый Господъ повелѣваетъ Петру вложить мечъ въ ножны, то какъ можетъ мнимый преемникъ Петра претендовать, что онъ имѣетъ право извлекать мечъ изъ ножёнъ? Но Іезуиты умѣютъ обойти всѣ эти малости. Со времени Константина всякаго папа, посредствомъ завѣщаній и подарковъ императоровъ и частныхъ лицъ, получилъ чрезвычайно богатую поземельную собственность, такъ называемое наслѣдство св. Петра, и этимъ наслѣдствомъ онъ владѣлъ безъ всякихъ верховныхъ правъ, какъ частный собственникъ. Эта частная собственность была разширена очень сомнительными средствами. Пусть подумаютъ теперь о позорномъ нарушеніи всѣхъ правилъ законнаго землевладѣнія, когда папа Захарій устранилъ законнаго короля Хильдерика III, чтобы возвести на престолъ Пипина короткаго изъ-за той простой причины, чтобы увеличить свое владѣніе клочкомъ земли, которая благодарному дарителю никогда не принадлежала. Франки такъ же не признавали папу монархомъ, но только вассаломъ, хотя папа присвоилъ уже себѣ верховное право византійскаго императора назначить Пипина римскимъ патриціемъ. Въ основаніе папскаго властительства была сочинена ложь о дарѣ Константина. Такова

римская законность! Если ложь, по причинѣ своей давности, утверждаетъ право, то конечно Римъ пользуется законнымъ наслѣдствомъ, какъ и всякій счастливый похититель.

XIII.

Такова-то сомнительная мірская почва, на которой покоится папство. Правда, благочестивые и просвѣщенные католики утверждаютъ, что земная сторона папства нисколько не касается существа Божественнаго учрежденія; свѣтская власть относится къ папству, какъ нѣчто чисто внѣшнее, что должно быть строго отдѣляемо отъ существа папства и что, какъ дѣло чисто человѣческое, можетъ быть устранено безъ всякаго вреда. Въ Римѣ однакожь незнакомы съ такимъ воззрѣніемъ, и вполнѣ правы, ибо духовная сторона папства есть плодъ папства свѣтскаго. Папы, которые управляли міромъ, хотѣли управлять и небомъ. Каждое земное пріобрѣтеніе имѣло своимъ слѣдствіемъ разширеніе духовнаго владычества. По той мѣрѣ какъ росла власть папы-короля, уменьшалась власть епископовъ и соборовъ. Могъ ли бы папа когда нибудь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался теперь (какъ

духовный властитель), если бы онъ, памятуя слова Господа (воздадите кесарево кесареви и Божія Богови), оставался скромнымъ наслѣдникомъ рыбаря? Гдѣ теперь тотъ Петръ, который стерпѣлъ-бы, если бы Павелъ противусталъ ему въ лицо? Словомъ, новѣйшее папство перенесло абсолютизмъ въ область духовную. Нѣтъ никакихъ границъ разширенію римскаго владычества, по кр. мѣрѣ, въ тѣхъ духовныхъ областяхъ, которыя сталкиваются во всѣхъ направленіяхъ съ областями свѣтскихъ властителей. Эта безграничная власть папства должна теперь быть объявлена за догматъ вѣры т. е. папа будетъ провозглашенъ „непогрѣшимымъ.“ Богословы и люди государственные знаютъ, сколь много произойдетъ чрезъ это запутанностей, церковныхъ и политическихъ. Государственные люди спокойно выжидаютъ (римскаго) приговора, но уже теперь дѣлаютъ рекогносцировку мѣстности и опредѣляютъ демаркаціонную линію между свѣтскою и духовною сферою. Если папа захочетъ переступить эту линію, то его почтительно попросятъ остановиться; если онъ не послушаетъ приглашенія, то его вѣжливо препроводятъ назадъ; если же онъ на это не согласится добровольно, то употребятъ легкій

гнётъ т. е. столько власти, сколько это необходимо для того, чтобы дать понять себя непрошеному гостю. Дальновидные богословы предвидятъ эти неизбѣжныя запутанности и замѣшательства съ свѣтскою властію и стараются, чрезъ сопротивленіе ультрамонтанизму, предотвратить грозу. Ультрамонтанизмъ же не позволяетъ себя провести и старается, по крайней мѣрѣ, скрыть опасность. Превосходное, очень употребительное средство, чтобы защитить папскую непогрѣшимость противъ замѣшательства, состоитъ въ томъ, что придумали *„различіе“* между рѣчью папы, „ex cathedra“, и его приговоромъ, какъ лица частнаго. Въ первомъ случаѣ онъ непогрѣшимъ, въ послѣднемъ-погрѣшимъ. Только папа никогда не объявляетъ при своихъ декретахъ, говоритъ ли онъ „ex cathedra“ или нѣтъ, хотя, конечно, этого слѣдовало-бы ожидать, ибо это *„различіе“* до того важно, что въ первомъ случаѣ папскій приговоръ безусловно обязателенъ для всѣхъ, во второмъ нѣтъ. Хотя папа долженъ знать хочетъ ли онъ говорить „ex cathedra“, или нѣтъ и хотя міръ (такъ какъ это главное дѣло) каждый разъ долженъ знать говоритъ ли папа въ первомъ случаѣ или во второмъ, однакожь этого не случается. Только

именно эта неизвѣстность и дѣлаетъ подобное различеніе очень пригоднымъ для богословскихъ операцій въ пользу папской непогрѣшимости. Ибо теперь возможно утверждать подъ рукою о каждомъ папскомъ рѣшеніи (которое не можетъ быть доказано или же приготовляетъ замѣшательство), что оно изречено не отъ каѳедры, слѣд. не не погрѣшимо и потому не имѣетъ безусловной для всѣхъ обязательности. Въ то же время (такъ какъ самъ папа постоянно оставляетъ неопредѣленнымъ отъ „каѳедры ли изреченъ имъ приговоръ или нѣтъ), то это даетъ богословамъ желанный случай къ такъ называемой учёной дѣятельности, къ многимъ спорамъ и даже обвиненіямъ въ ереси. Выраженіе: „tradidit scripturam disputationi eorum“ перемѣняется теперь въ „tradidit decreta disputationi eorum.“ Богословы станутъ тутъ изслѣдовать, отъ „каѳедры“ ли издано папой извѣстное опредѣленіе? и это есть трудная проблемма, при (рѣшеніи) которой разойдутся часто самые строгіе приверженцы Рима, хотя папѣ стопло бы сказать одно слово, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно. Затѣмъ должно быть изслѣдуемо, какъ понимать папскія посланія. Каждая изъ спорящихъ сторонъ ищетъ истолковать ихъ въ своемъ смыслѣ и въ пользу

своихъ взглядовъ. Чрезъ такія неопредѣленныя папскія рѣшенія, богословскіе споры получаютъ постоянно новую пищу, духовная жизнь, не смотря на всю ея связанность, начинаетъ давать себя чувствовать; но по той мѣрѣ, какъ оффиціальные декреты умножаются, умственная борьба становится всё незначительнѣе, пустѣе, обманчивѣе; и чѣмъ эта борьба ожесточённѣе и чѣмъ болѣе вдается въ софизмы, тѣмъ менѣе идетъ дѣло объ изслѣдованіи истины, а только о чисто формальной побѣдѣ турнировъ (Frohschammer ст. 92 и слѣд.)

XIV.

Всѣ правительства видятъ, что рѣшительно невозможно управлять гражданами, которые почитаютъ главою непогрѣшимаго папу; ибо такіе паписты будутъ прежде всего слѣдовать инструкціямъ Рима, хотя бы дѣло было чисто политическаго свойства. Естественно, что Римъ съумѣетъ придать дѣлу религіозный оттѣнокъ, такъ что простой человѣкъ будетъ думать, что дѣло идетъ здѣсь объ истинѣ и что Богу нужно повиноваться болѣе, чѣмъ Государю. Принципъ папской непогрѣшимости на практикѣ былъ уже собственно давно въ силѣ, ибо

папа, съ незапамятныхъ временъ, могъ дѣлать въ церковной области, что хотѣлъ. Только въ послѣдніе годы Пій IX былъ столько неосмотрителенъ и близорукъ, что вздумалъ перенести „непогрѣшимость“ въ область политическую, хоть именно въ политикѣ-то онъ и былъ всегда рѣшительно несчастливъ. Если папство вмѣшивается въ политику, то происходятъ (какъ это мы видимъ въ Россіи) странныя явленія: папа воображаетъ себѣ, что онъ спокойно можетъ порицать правительство, какъ бы оно ни было почтенно и могущественно, что онъ можетъ хозяйничать на чужой землѣ, какъ будто-бы онъ былъ господиномъ въ домѣ, и поддерживать недовѣріе и отвращеніе къ правительству, что имѣло самыя печальныя послѣдствія, бунтъ и кровопролитіе.

Кто прочитаетъ сочиненіе графа Д. Толстаго (бывшаго русскаго министра народнаго просвѣщенія) „Le Katholicisme Romain en Russie“, тотъ много узнаетъ о подземной политикѣ Рима. Всѣ государственные люди Европы должны бы прочесть эту книгу, чтобы знать, какъ держать себя, если Римъ, относительно ихъ, потеряетъ то уваженіе, которое онъ, къ счастію, еще находитъ нужнымъ сохранять ради собственной выгоды. Римъ въ состояніи сдѣлать многое: онъ можетъ

подкопать и убить патріотизмъ; онъ можетъ посѣять недовольство и раздоръ; онъ можетъ вызвать мятежъ и войну; онъ можетъ возмутить миръ души и совѣсти; можетъ уничижить монарха, объявивъ его еретикомъ или схизматикомъ, или даже вовсе подорвать къ нему всякое уваженіе. Пусть нѣмцы вспомнятъ о послѣдней прусско-австрійской войнѣ, гдѣ ультрамонтаны всюду безбоязненно и открыто дѣйствовали въ пользу Австріи. Что скажетъ и сдѣлаетъ императоръ Наполеонъ, если непогрѣшимый Пій осудитъ верховенство народа и такимъ образомъ выхватитъ изъ-подъ его ногъ почву, на которой онъ стоитъ? Позволитъ ли онъ трактовать себя беззаконнымъ похитителемъ (власти), или съ негодованіемъ отвергнетъ надменную притязательность (папы) и зажметъ ротъ тѣмъ патерамъ, которые осмѣлились бы возвѣстить съ каѳедры декреты непогрѣшимаго папы. Прекратятъ ли парламенты свою дѣятельность, если непогрѣшимый папа осудитъ господство большинства голосовъ? И всё это европейскія государства должны терпѣть? При такихъ обстоятельствахъ столкновеніе между государственною властію и папскими притязаніями почти неизбѣжно, какъ бы тутъ долго ни лавировали.

XV.

Итакъ, если папство между собою и государствомъ утвердило столь великую пропасть, что никакъ нельзя её перейти, то для католиковъ настало время открыть глаза и посмотрѣть: такая пропасть и такая непримиримая вражда между государствомъ и церковію могутъ ли быть въ планѣ Божественнаго домостроительства, вражда, какой не было даже во времена Нерона, Домиціана и Діоклитіана. Если бы римская церковь осталась въ предѣлахъ апостольскаго преданія, если бы она сохранила свое собственное каноническое правило: „clericus ne se immisceat saecularibus negotiis“, то и не было-бы папскаго главенства съ его драконовымъ хвостомъ пагубныхъ ученій и узурпацій, востокъ не отдѣлился бы отъ запада, реформація съ ея печальнымъ невѣріемъ не имѣла-бы мѣста, и церковь и государство не были бы отдѣлены другъ отъ друга столь безнадежно. Папа жалуется, что онъ не можетъ ладить съ государствомъ нехристіанскимъ. Но кто сдѣлалъ государство нехристіанскимъ? Папа и никто другой. И это случилось такимъ обр: папа присвоивалъ себѣ одно за другимъ права государства. Это, естест-

венно, охлаждало дѣтскія отношенія довѣрія, которое государство имѣло относительно церкви; государство должно было бдительно смотрѣть за церковію и особенно за поведеніемъ ея главы; недовѣрчивость (за которою всегда слѣдуетъ неуваженіе, сомнѣніе и невѣріе) поселилась между обѣими властями, и церковная дѣятельность была надломлена, даже уничтожена въ принципѣ. То, что вызвало реформацію наружу, уже давно было въ полномъ цвѣту, хотя мечъ и костеръ уничтожали слѣды противниковъ Рима. Такая книжечка, какъ „De tribus impostoribus“ есть краснорѣчивое изображеніе того времени. Когда реформація устранила внѣшнее римское церковное принужденіе, тогда увидѣли, какъ безконечно уже далеко разошлись между собою интересы государства и церкви. Государство, въ слѣдствіе римскихъ притязаній, поставленное на крутой путь оппозиціи, преслѣдовало теперь открыто и послѣдовательно дѣло реакціи и безбоязненно вторгалось въ область церковную. И это было естественно, ибо папа показалъ государству примѣръ, которому оно стало подражать. *Государственное главенство есть естественное слѣдствіе главенства папскаго, есть обратный ударъ и возмездіе за то, что госу-*

дарство никогда было порабощено церковію. Какъ только папа возложилъ на свою голову тіару, онъ этимъ приготовилъ для себя бичь. „Impero, ergo vapulo!“*), это должно быть лозунгомъ нынѣшняго папства. Государство есть избалованное дитя папства, и папство избаловало его.

XVI.

Какъ всё это иначе *въ православной каѳолической церкви;* централизація и свѣтское господство далеки отъ нея, и потому она никогда не была въ разладѣ съ государствомъ, и государство любитъ и почитаетъ её, какъ нѣжную и заботливую мать. Вездѣ, гдѣ распространяется православная церковь, государства остались христіанскими, и реформація, со всѣми ея печальными послѣдствіями, прошла надъ ними безслѣдно. Каждый православный христіанинъ любитъ свою церковь, ибо она не сдѣлала ему ничего непріятнаго, напротивъ оказывала ему одну любовь. Она никогда не простирала своей руки на отнятіе его гражданскихъ правъ, ибо она не хотѣла владѣть ни его имѣніемъ, ни его правами, но только его любовію. Православная церковь

*) „Vapula“ слово латинское и значитъ: „палками тебя, убирайся къ чёрту.

была часто преслѣдуема жестокими властителями, была лишаема своего имущества и порабощаема, но она страдала терпѣливо, дозволила ограбить себя и преслѣдовать, но не платила зломъ за зло. За это она сдѣлалась еще болѣе любима своими дѣтьми. Не замѣчательное ли это явленіе, что въ православныхъ земляхъ нѣтъ борьбы между государствомъ и церковію, церковь *господствуетъ*, не желая управлять, или лучше потому и господствуетъ, что не хочетъ управлять. Не замѣчательно ли, что православныя страны образуютъ тѣсную религіозную массу, и не страдаютъ многообразіемъ религіозныхъ исповѣданій. Не достойно ли замѣчанія, что въ православной церкви папство не дѣлаетъ никакихъ (или почти никакихъ) успѣховъ въ прозелитизмѣ, между тѣмъ какъ обращенія къ церкви православной считаются милліонами? И если ультромонтаны возразятъ, можетъ быть, что эти милліоны загоняются въ прав. церковь при помощи кнута, то этимъ самимъ они признаются по крайней мѣрѣ, что римство не слишкомъ сильно привилось къ этимъ милліонамъ, если съ помощію кнута они поворотили на добрый путь. Если бы царь былъ самый могущественный ловецъ предъ Господомъ, и тогда онъ не могъ бы загнать въ православную цер-

ковь ни одного римлянина вѣрнаго своему убѣжденію. И если бы эти милліоны стали жаловаться на принужденіе, то никакая цензура, никакая пограничная стража, даже никакая китайская стѣна не заглушили бы этихъ жалобъ. Но перешедшіе въ православіе не жаловались, и именно потому, что чувствовали себя счастливыми.

XVII.

Отдѣленіе церкви отъ государства есть несчастіе, есть дѣло совершенно неестественное. Какъ нельзя отдѣлить тѣла отъ души, безъ того, чтобы человѣкъ не умеръ, такъ невозможно отдѣлить церкви отъ государства, безъ того, чтобы обѣ не были разрушены. Римская церковь такъ устроила свой бытъ, что государство не могло съ нею ужиться: государство пошло своею дорогою и ушло на цѣлую стадію отъ пути христіанскаго; папство же, совершая свой собственный путь, переходитъ отъ одной лжи и чудовищности къ другой, и совершаетъ процессъ саморазложенія. Что же остается теперь какъ не обратить взоры къ православной церкви, проникнутой духомъ единства, мира и любви. Тамъ найдемъ мы миръ между церковію и государствомъ. Тамъ найдемъ мы вѣрную мать, которая

не домогается никакой другой власти, кромѣ власти и господства любви. Церковь любитъ и почитаетъ государство, государство чтитъ и любитъ церковь. Естественное слѣдствіе этого то, что православная церковь имѣетъ гораздо бо̀льшее вліяніе на государство, чѣмъ церковь римская, не смотря на всѣ ея притязанія. Горе царю, который сталъ-бы нападать на православіе и побоpать его; народъ такого царя сдѣлался-бы безвозвратно чуждъ ему.

Православное государство безусловно довѣряетъ своей церкви, (такъ какъ государство никогда не было обмануто церковію и слѣд. знаетъ, что оно имѣетъ отъ нея); ибо православная церковь непзмѣнна въ вѣрѣ и въ св. канонахъ; она та же самая въ вѣрѣ теперь, какою была за тысячу лѣтъ предъ симъ; Римъ же призналъ за благо измѣнить „вѣру непзмѣняемую“, сдѣлать её подвижною (flüssich), развить. Православная Церковь только „сохраняла и утверждала“ истину, по существу своему неподвижную и непзмѣнную, и сохраняла и утверждала её въ томъ видѣ, какъ она предана была церкви апостольскимъ преданіемъ. Ученіе св. Духа было такъ же живо въ православной церкви до римскаго раздѣленія, какъ и послѣ, ибо она выразительно

учитъ и о пресуществленіи (Transsubstantiation) и о „единосущіи“. Римско-католическое государство имѣетъ предъ собою какое-то неопредѣленное ученіе вѣры, такое ученіе, которое въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи можетъ содержать такія вещи (какъ нпр. непогрѣшимость папы), отъ которыхъ пострадаетъ самое существо государства. Православное государство знаетъ свою вѣру, и не знаетъ никакой власти, которая могла бы когда нибудь измѣнить эту вѣру, чрезъ прибавленіе, или отъятіе.

Это есть твердое сознаніе православнаго государства, что существующій между нимъ и церковію миръ не можетъ быть нарушенъ, потому именно, что основаніе этого мира не можетъ измѣниться. Римская церковь дѣлаетъ изъ папы центръ единства; но гдѣ болѣе единства вѣры, въ православной или римской церкви? Въ православной церкви нѣтъ ни ультрамонтановъ, ни либераловъ, которые ратуютъ другъ противъ друга до крови. Всѣ составляютъ одинъ нераздѣльный лагерь, и это не по равнодушію, но въ слѣдствіе единодушнаго убѣжденія.

XVIII.

Этотъ-то единодушный миръ мы хотѣли бы видѣть на западѣ возстановленнымъ между го-

сударствомъ и церковію. И для этого не нужно ничего другаго, какъ чтобы мы возвратились къ церкви нераздѣльнаго христіанства, которое представляетъ намъ православно-каѳолическая церковь. Хочетъ папа за нами слѣдовать или даже напередъ пттн, хорошо! Вся православная церковь признаетъ его канонически уполномоченнымъ носить титулъ церковнаго примаса. Хочетъ онъ оставаться въ своей схизмѣ, то должны мы одни пттн и второй (патріархъ) по рангу займетъ его мѣсто, доколѣ возвратится первый. Возстановить эту западную православно-каѳолическую церковь, каковою она была до римской схизмы, около 1000 лѣтъ тому назадъ, есть наше намѣреніе, и Богъ мира и единомыслія да благословитъ наши старанія.

Съ этою цѣлію мы обращаемся къ русской церкви, самой могущественной и самой независимой между православными церквами. Въ этой церкви господствуетъ пламенная любовь къ вѣрѣ „отцевъ“, внутреннее благочестіе, радостная гармонія и плодотворное взаимодѣйствіе между государствомъ и церковію. Русскіе братья должны подать намъ руку помощи къ возстановленію западной православно-каѳолической церкви. Не напрасно Провидѣніе сохранило Россію неизмѣн-

ною въ православной вѣрѣ, Россію, этотъ связующій членъ между западомъ и востокомъ. Не напрасно Провидѣніе поставило Россію въ постоянный союзъ съ западомъ, чтобы Россія имѣла болѣе ясное пониманіе западныхъ воззрѣній и знала бы ихъ оцѣнить, будучи равно далека отъ восточнаго самодовольства и отъ западнаго превознощенія. Не напрасно Провидѣніе подчинило одному скипетру католиковъ и протестантовъ, вмѣстѣ съ православными, чтобы практическое сопоставленіе трехъ главныхъ исповѣданій дозволило между ними на опытѣ основанную параллель и чрезъ то доставило-бы православной истинѣ тѣмъ блистательнѣйшую побѣду. Провидѣніе сдѣлало Россію однимъ изъ первыхъ государствъ міра, которое имѣетъ сказать свое полновѣсное слово въ образованіи всемірной исторіи. Византійскій двуглавый орелъ простираетъ свои крылья отъ Германіи до границъ Китая и Японіи, отъ Ледовитаго океана до Чёрнаго и Каспійскаго морей. Въ Россіи можно встрѣтить всѣ климаты (отъ самаго холоднаго до самаго жаркаго), всѣ степени человѣческаго образованія, такъ что, въ извѣстномъ отношеніи, можно назвать её всемірнымъ государствомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что побѣда истины зависитъ отъ под-

держки её сильною свѣтскою рукою. Но не есть ли это чудесное указаніе Божіе, если мы видимъ государство столь дивнаго величія, рожденное и воспитанное въ православіи, сдѣлавшееся исполиномъ, повелителемъ міра, единственное православное государство, тогда какъ его единовѣрцы изнываютъ въ рабствѣ? Ни одно государство не сочувствовало Россіи въ дѣлѣ вѣры. Какъ сирота, который не имѣетъ ни родства, ни друзей, но только завистниковъ и враговъ, возрасло это государство и сдѣлалось теперь тѣмъ могущественнѣе, что оно само проложило себѣ дорогу въ жизни. Вся ненависть и зависть міра, составившаго противъ Россіи какъ-бы заговоръ, не повредили ей ни на-волосъ, не воспрепятствовали ея прогрессу, напротивъ еще скорѣе способствовали ему. И этотъ исполинъ-колоссъ вырось и стоитъ, не распадаясь на части. Гдѣ тайна этого могущества и этого чуднаго единства? Вотъ въ чемъ состоитъ рѣшеніе проблеммы: Россія живетъ и преспѣваетъ въ православной истинѣ и православною истиною; это ея душа, ея жизненный принципъ, жизненный сокъ въ ея жилахъ, мозгъ въ ея костяхъ! Россія сохранила истину, потому наслѣдовала благословеніе. Мы удивляемся колоссальности Россіи,

но эта колоссальность, какъ тѣло, есть нѣчто стороннее. Напротивъ мы почитаемъ святую Россію, освященную православною истиною. Намъ доставляетъ истинную сердечную радость видѣть крѣпкаго, свѣжаго, здороваго юношу, почему? потому что мы, въ большей части случаевъ, можемъ заключать, по внѣшней силѣ и цвѣтущему здоровью, о внутреннемъ совершенствѣ, которое образовало себѣ такое тѣло, храня истину и добродѣтель и удаляя разрушающія вліянія лжи и порока. Мы говоримъ здѣсь не о политикѣ и дипломатіи, которыхъ пріемы такъ хорошо напоминаютъ счастливые или неудачные ходы въ извѣстной игрѣ. Мы не говоримъ, много или мало сдѣлала русская политика, но это есть великій неоспоримый фактъ, что она никогда не нападала на православіе, но вообще была руководима имъ, какъ полярною звѣздою. Могущественный царь сдѣлался бы слабъ и маломощенъ, какъ дитя, если бы онъ оставилъ православіе или сталъ-бы ратовать противъ него. Но когда онъ есть вѣрный его представитель, то становится „отцемъ“ и его народы суть его дѣти, радостно и сердечно ему преданные. Кто понимаетъ Россію, тотъ знаетъ, что всѣ эти выраженія не пустыя условныя фразы. У поселянина бьется сердце, при

видѣ своего царя, и царь знаетъ, что этотъ человѣкъ его любитъ. Это порождаетъ въ царѣ и народѣ то высокое чувство, которое не встрѣчается ни въ какомъ другомъ государствѣ. И это чувство „взаимной другъ другу принадлежности“ такъ далеко отстоитъ отъ чувства властителя и *подданнаго*, какъ небо отъ земли. Въ Россіи ни царь не существуетъ ради народа, ни народъ ради царя, но оба составляютъ одно семейство. И если говорятъ о неограниченномъ единовластительствѣ царя, то въ этомъ такъ же мало истины, какъ если бы на патріархальныя отношенія отца семейства стали смотрѣть, какъ на безграничный произволъ. Граница здѣсь находится въ самой природѣ отеческихъ отношеній. Дѣти суть плоть и кости отца, и это было-бы чистымъ безуміемъ, если бы отецъ захотѣлъ терзать свою плоть, или если бы дѣти (какъ вѣтви противъ корня) возстали противъ своего отца. Царь и народъ соединены не только взаимностію интересовъ, но еще невидимымъ союзомъ „взаимопринадлежности“, такъ что нѣтъ лучшаго подобія для выраженія этихъ отношеній, какъ отношеніе отца къ дѣтямъ. Бывали и внѣ Россіи монархи популярные; но ихъ популярность основывалась на ихъ субъективъ-

ныхъ личныхъ свойствахъ. Превосходные люди, примѣрные правители образуютъ около себя какую-то притягательную силу; но эта притягательная сила умираетъ вмѣстѣ съ ея владѣтелемъ, не рѣдко даже прежде него. Совершенно другое дѣло съ царемъ. Онъ можетъ быть популярнымъ, лично любимымъ человѣкомъ, но это дѣло стороннее; главное же-состоитъ въ томъ, что для народа онъ есть „нашъ царь.“ Для благовоспитаннаго дитяти его отецъ, даже со многими несовершенствами и недостатками, гораздо милѣе (wunderlichste), чѣмъ другой человѣкъ. И это не потому, будто дитя слѣпо къ недостаткамъ своего родителя, или бы не признавало, что есть многіе люди, которые относительно лучше его отца, но потому, что это „его отецъ.“ Или, такъ мы должны сказать: дитя дѣлитъ весь міръ на двѣ части: на „мы“ (дѣти, его родители, братья и сестры) и „всѣхъ прочихъ людей“, и эти два класса дитя не можетъ и не хочетъ сравнивать. Его отецъ есть нѣчто существенно отличное для него отъ всего остальнаго человѣчества. Поэтому-то самъ Богъ употребляетъ это выраженіе, чтобы представить Свое особенное отношеніе къ людямъ. И эта таинственная глубина выраженія *„отецъ“* есть

основаніе всякой религіи; и „царь-отецъ“ есть понятіе религіозное, которое столько же ясно простому поселянину, сколько непонятно нѣкоторымъ мудрымъ міра. Отецъ имѣетъ права и обязанности; дитя имѣетъ обязанности и права: но еще ни одному юристу, ни одному психологу, и ни одному педагогу не удалось провести тончайшей демаркаціонной линіи между взаимными правами и обязанностями. Между тѣмъ для добрыхъ отцевъ и добрыхъ дѣтей очень легко на практикѣ исполнять эти права и обязанности. Почему? потому что отецъ бываетъ только радъ, если способность и успѣхъ дитяти позволяетъ ему отказаться отъ того или другаго права. И дитя знаетъ, что добрый отецъ болѣе заботится объ исполненіи своихъ обязанностей, чѣмъ правъ, ибо многія изъ этихъ правъ (напр. право наказанія) скорѣе составляютъ для отца бремя, чѣмъ привиллегію.

XIX.

Но какъ совершенно отлично отъ этого, воззрѣніе запада на отношенія между управляющими и управляемыми. Со времени переселенія народовъ тамъ мало-по малу образовалось понятіе покорившаго и покорителя, господина и раба,

феодальнаго владѣтеля и его вассала. Монархъ поступалъ съ своими землями и народами, какъ ему вздумалось, и рѣдко руководился мудростію и человѣколюбіемъ, чтобы благоразумно пользоваться своею властію. Маркграфиня Матильда отдала папѣ Григорію VII всѣ ея отчины и земли „jure proprietario“, какъ говорится въ дарственной граматѣ. Могущественный царь не посмѣлъбы сдѣлать что нибудъ подобное, ибо его „дѣти“ заявили бы свои права на неотчуждаемость. Отецъ не смѣетъ лишить своихъ дѣтей жизни, выставлять на продажу, раздаривать или расторгать тотъ неразрушимый союзъ, который существуетъ между нимъ и его дѣтьми. Возражаютъ противъ этихъ дѣтскихъ отношеній, указывая на крѣпостное состояніе, которое существовало въ Россіи до позднѣйшаго времени и которое опредѣляло западное понятіе о господинѣ и рабѣ, но это несправедливо. Два отношенія бываютъ до того схожи, что часто ихъ смѣшиваютъ одно съ другимъ, однакожь они происходятъ изъ двухъ совершенно различныхъ корней. Южноамериканскій невольникъ человѣколюбиваго плантатора и русскій крѣпостной человѣкъ могли быть поставлены, по своимъ отношеніямъ, въ параллель; но между ними было неизмѣримое разли-

чіе: Американскій невольникъ, хотя и безправный, пользовался отъ своего добраго господина такимъ обращеніемъ, какъ-бы онъ былъ его дитя, именно потому, что господинъ былъ добръ; съ русскимъ же крѣпостнымъ, пользовавшимся всѣми естественными человѣческими правами, поступали хорошо, потому что этого требовало самое учрежденіе крѣпостнаго состоянія. Вотъ почему какая либо „Beecher-Stowe“ никогда не могла бы написать русскую „*хижину Дяди Тома.*“ Не есть ли несовершенныя дѣти крѣпостные? И развѣ чувствуютъ они себя поэтому несчастными? Не наступаетъ ли для нихъ суровая дѣйствительность жизни только тогда, когда они станутъ на свои ноги и должны сами помогать себѣ? Какъ многіе обращаютъ съ душевною тоскою свои взоры къ тому времени, когда они покоились у груди матери, и когда столъ накрывался предъ ними, какъ-бы самъ собою. Теперь же, когда они сами должны помогать себѣ, начинается для нихъ борьба жизни, и нѣкоторые погибаютъ въ (житейскихъ) волнахъ. Но не должны ли мы поэтому желать увѣковѣченія крѣпостнаго состоянія? Отнюдь нѣтъ; по естественному порядку Господа, дитя дѣлается мужемъ и отецъ радуется тому; вотъ почему и царь

объявилъ своихъ взрослыхъ дѣтей людьми свободными. Выбралъ ли отецъ правильно время, употребилъ ли справедливыя средства, всё это вопросы посторонніе, которые насъ не касаются. Главное же дѣло состоитъ въ томъ, что въ глазахъ изумленнаго свѣта царь положилъ въ основаніе русскаго государства отношеніе между отцемъ и дѣтьми. Въ западныхъ государствахъ каждое право раба было съ трудомъ исторгнуто изъ рукъ господина; въ Россіи же, безъ всякаго принужденія со стороны дѣтей, даже частію противъ ихъ желанія, отецъ даетъ дѣтямъ, свободно и охотно, то положеніе, которое въ другихъ странахъ было слѣдствіемъ многовѣковой борьбы.

XX.

На западѣ рабъ боролся съ своимъ господиномъ за свое существованіе, завоёвывалъ себѣ одно право за другимъ, и не прежде покончилъ борьбу, какъ его господинъ былъ низведенъ на степень „тѣни.“ Тогда рабъ овладѣлъ тропомъ, а „тѣнь“ изчезла. То, что дѣлалъ каждый въ отдѣльности, дѣлали всѣ народы. Такъ произошли республики и парламентарныя правительства. Такъ произошло понятіе о самодержавствѣ народа и о правѣ всеобщей подачи го-

лосовъ. Это есть великое заблужденіе, когда думаютъ, что гласъ народа гласъ Божій; всё зависитъ отъ того, какъ народъ воспитанъ. Если поколѣніе воспитано въ заблужденіяхъ (напр. ультрамонтанскихъ, или пропикнуто идеями Вольтера), то оно произведетъ и плодъ однородный. Но что всего хуже, право всеобщей подачи голосовъ вовсе не выражаетъ народнаго голоса. Прежде всего, простой человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о политикѣ и смотритъ на вещи односторонне, во свѣтѣ своихъ личныхъ интересовъ; или онъ поддается подкупамъ и морочепью нѣкоторыхъ народныхъ говоруновъ; или находится въ зависимомъ положеніи и долженъ бываетъ итти за своимъ господиномъ или хозяиномъ, или, наконецъ, нисколько не думаетъ о политикѣ. Словомъ, всеобщая подача голосовъ есть обманъ и неправда, есть такая машина, при ловкомъ управленіи которой, можно достигнуть какого угодно результата. Деспотизмъ равно какъ и республика могутъ опираться на всеобщую подачу голосовъ. Она есть столь опасное и сомнительнаго свойства политическое орудіе, что осторожныя правительства подрѣзали этому орлу крылья. Народъ отождествили съ тѣми, которые платятъ подати и принадлежатъ къ извѣстнымъ классамъ общества, а

массу оставили въ сторонѣ, хотя въ ней найдутся можетъ быть нѣкоторые голоса, которые могли бы говорить правдивѣе и лучше, чѣмъ люди привилигированные. Но если уже всеобщее право голоса поступило непослѣдовательно (исключивъ изъ этого права женщинъ), то мы не можемъ жаловаться на дальнѣйшія его непослѣдствательности. Конецъ этой исторіи тотъ, что король, который по волѣ Божіей долженъ быть отцемъ своего народа, сдѣлался его послушнымъ слугою и первымъ чиновникомъ. Съ купеческимъ разчетомъ и холодною вѣжливостію народъ платитъ своему королю жалованье, и если находитъ нужнымъ ниспровергнуть тронъ, то перемѣняетъ главу государства, какъ мѣняютъ платье, безъ раскаянія, безъ привязанности, чисто на дѣловой житейскій ладъ. Avant tout point de zèle! Любовь, самоотверженіе, преданность не входятъ въ разчетъ. *Своекорыстіе* есть душа новѣйшаго государства. Но (спросятъ) не будетъ ли, съ теченіемъ времени, парламентарная система правленія введена и въ Россію? Отвѣчаемъ: вѣроятно будетъ; но основаніе непоколебимо останется неизмѣннымъ, и поэтому „Institution“, не смотря на внѣшнее сходство, будетъ совершенно отлично отъ всѣхъ остальныхъ западныхъ формъ правленія. И если

любопытный спроситъ, какой же видъ или форму будетъ имѣть подобное „Institution“ на русскомъ основаніи? то и я спрошу его: какую форму будетъ имѣть плодъ, который въ будущемъ году явится на яблонѣ или грушевомъ деревѣ? Мы оба этого не знаемъ; но знаемъ навѣрно, что плодъ будетъ опредѣленный сортъ яблоковъ или груш, ибо дерево производитъ плодъ по роду своему. Поэтому оставимъ, чтобы плодъ рось спокойно; онъ будетъ соотвѣтствовать православному отеческому отношенію между царемъ и народомъ. Это есть самая большая ошибка, самое великое несчастіе, если иностранныя учрежденія пересажпваются на чуждую имъ почву. Что хорошо для Англіи, то, по этому самому, не можетъ быть еще хорошо для Россіи, Германіи и. т. д. и наоборотъ. Это есть политическое слабоуміе, извѣстную политику или формы государственнаго правленія рекомендовать, какъ особенное всеобще-спасительное средство. Только одно мы желаемъ утверждать, что религіозно-политическое основаніе (basis) православной Россіи (именно отношеніе царя къ народу, какъ отца къ своимъ дѣтямъ) есть единственно-вѣрное основаніе. На немъ государство не можетъ сдѣлаться враждебнымъ или равнодушнымъ въ дѣлѣ ре-

лигіи, ибо „*православіе*“ составляетъ его душу. Здѣсь имѣемъ мы ключь къ настоящему и будущему величію Россіи. Ex oriente lux!

XXI.

Всѣ другіе славянскіе народы, за единственнымъ исключеніемъ Польши, тяготѣютъ къ Россіи и почитаютъ ее своимъ нравственнымъ центромъ. Какъ странно однако, что въ то время какъ римскіе и протестанскіе западники представляютъ себѣ Россію какимъ-то пугаломъ, всѣ различныя славянскіяія племена группируются около нея, какъ около своего притягательнаго центра, какъ ядра. У другихъ родственныхъ націй подобное явленіе есть нѣчто неслыханное. Мы не можемъ претендовать на самостоятельное съ нашей стороны сужденіе о внутренней исторіи Славянъ, но сошлемся на превосходную французскую брошюру: „Les Slaves occidenteaux“ (Paris 1868) и приведемъ здѣсь изъ нея нѣкоторыя мѣста.

„Характеръ польской національной жизни существенно отличенъ отъ жизни всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ. Исключительный кастовый духъ, въ которомъ замкнулся ея національный патріотизмъ, препятствуетъ Полякамъ сблизиться со своими братьями, живущими въ совершенно

ной соціальной сферѣ. Полякъ болѣе симпатизируетъ (какъ доказали недавнія событія) венгерскимъ аристократамъ и утѣснителямъ, нежели Словакамъ и Хорватамъ, у которыхъ первые хотятъ похитить права на національное существованіе; онъ скорѣе станетъ на сторону Турокъ, нежели сербскихъ и болгарскихъ райевъ. Полякъ послѣдній подастъ руку своимъ славянскимъ братьямъ и начнетъ съ ними общее дѣло, даже въ наукѣ. Даже въ области отвлеченнаго мышленія ему трудно отказаться отъ своихъ антипатій противъ русскаго имени и отъ презрѣнія къ восточной церкви — двухъ жертвъ его національной гордости, которыя онъ долженъ принести прежде, нежели можетъ усвоить себѣ принципъ нравственнаго союза (communaite) Славянъ. Этотъ принципъ не имѣлъ также никакого глубокаго, жизненнаго значенія, въ тѣхъ различныхъ вопросахъ, которыми занимались польскіе умы. И всетаки, идея славизма занимаетъ значительное мѣсто въ теоріяхъ, выставленныхъ въ послѣднее время Поляками, особенно поэтомъ Мицкевичемъ. Его система есть полное и иногда, можно сказать, невольное выраженіе той манеры, съ какою польскіе патріоты смотрятъ на славянскій міръ; изъ

его сочиненія (Cours de littérature slave au Collége de France, 1841—1844) они до сихъ поръ черпаютъ свои взгляды на славянскія дѣла. Въ силу этого я нахожу цѣлесообразнымъ изложить здѣсь вкратцѣ основы этой системы. По Мицкевичу, славянскій міръ раздѣлился, съ незапамятныхъ временъ, на два большихъ враждебныхъ лагеря, образующихъ до нѣкоторой степени свои положительный и отрицательный полюсы. Положительный полюсъ, а именно полюсъ славянской идеи, представляютъ Поляки; Чехи и Сербы принадлежатъ также къ этой положительной сторонѣ славянства, но славянскій духъ въ нихъ ослабъ и можетъ быть оживленъ только вмѣшательствомъ Польши, которая хранитъ и защищаетъ этотъ духъ, чтобы передать остальнымъ Славянамъ. Отрицательный полюсъ, полюсъ антиславянской идеи, какъ называетъ его Мицкевичъ, есть, по его мнѣнію, — Россія. Древняя русская національность имѣла первоначально славянскія тенденціи, но она погибла, говоритъ Мицкевичъ, и осталась только масса людей, которые хотя и говорятъ однимъ изъ славянскихъ нарѣчій, но однако приняли въ себя много финскихъ и татарскихъ элементовъ и вслѣдствіе этого утратили славянскія тенденціи. Эта масса

не есть нація, но только государство, которое не имѣетъ религіи, но только обрядность (культъ), и которое одушевлено духомъ монгольской расы, тѣмъ духомъ, который называется польскимъ писателемъ духомъ рабства и разрушенія. Воплотившійся въ Полякахъ славянскій геній всегда старался усвоить себѣ идеи запада и распространить ихъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ; онъ всегда стремился осуществить всѣ тѣ новые принципы, на которыхъ должно основываться счастіе человѣческаго рода, а имено братство между людьми и націями и господство христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ очистительную жертву за человѣчество и это дало ей право сдѣлаться благодѣтелемъ всѣхъ тѣхъ націй, которымъ будутъ переданы эти новые принципы. Ихъ осуществленія нужно ожидать не отъ общаго дѣйствія индивидуумовъ и не отъ прогресса времени, но отъ появленія какого либо великаго человѣка, мессіи, предтечею котораго былъ Наполеонъ.

„Такова теорія славизма по понятіямъ величайшаго гепія польской литературы. Если бы это было только индивидуальнымъ продуктомъ раздраженнаго воображенія, то я не сталъ-бы тратить о немъ словъ... Но его теорію можно

назвать произведеніемъ націи. Мицкевичъ высказалъ формулу, но тѣми же самыми идеями проникнуты цѣлыя толпы поэтовъ, философовъ, публицистовъ, представителей польскихъ принциповъ сперва въ Вильно и Варшавѣ, а затѣмъ въ эмиграціи. Ложь Мицкевича есть только выраженіе той лжи, которая жила въ литературѣ, въ цѣлой націи. И дѣйствительно, изложенная здѣсь система вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру польскихъ тенденцій. Это тотъ же самый узкій, себялюбивый духъ, который въ этой системѣ старается овладѣть славянскимъ вопросомъ для своей исключительной выгоды, который употребляетъ неоткровенность и ложь, чтобы унизить другія націи; который, по недостатку логической послѣдовательности (явленіе, къ сожалѣнію, столь обычное у польскихъ мыслителей), — ставитъ вмѣсто моральныхъ основъ внѣшнія формулы, чтобы только имѣть право прославлять свои собственные принципы.

Польскій теоретикъ съ умышленною неоткровенностію старается выставить Сербовъ и Чеховъ до нѣкоторой степени морально зависимыми отъ польской національности, хотя онъ и знаетъ, что въ исторіи (напр. во время гуситскихъ войнъ) Чехи играли роль, которая, по

своимъ тенденціямъ, совершенно чужда польской національности и если ужь одинъ изъ этихъ народовъ долженъ благодарить другой, то напротивъ Поляки обязаны Чехамъ большею частію своей образованности. Онъ знаетъ также, что Сербы никогда ничего не имѣли общаго съ польскими идеями и что сохраненіемъ своей національности они обязаны единственно восточной церкви и только ей одной. Когда Мицкевичъ и съ нимъ цѣлая патріотическая польская школа отрицаютъ существованіе русской національности и выставляютъ ее монгольскою ордою, которая нѣсколько дисциплинирована правильнымъ правленіемъ, то это уже не только неоткровенность, но ослѣпленіе разсердившагося ребенка. Они грѣшатъ логическою непослѣдовательностью и принимаютъ форму за сущность, когда говорятъ о братствѣ, какъ объ основаніи, на которомъ стояли польское общество и политика и къ которому они стремятся снова; выраженіе-же этого братства они находятъ въ древнѣйшемъ устройствѣ Польши съ ея сеймами, которые выставляются ими воодушевленными святымъ духомъ братства и взаимнаго благожеланія, съ союзнымъ актомъ соединенія Польши съ литовскими провинціями и Украйною. На дѣлѣ-же это братство было

пустымъ словомъ въ устахъ гордой касты, угнетавшей остальной народъ, раздираемой внутри усобицами, — примѣръ чего мы видѣли недавно, — коль скоро внѣшняя власть опускаетъ вожжи (какъ это видно изъ исторіи польской эмиграціи). Что касается международной политики, то, конечно, слова о братствѣ между Польшею и тѣми странами, которыя принесъ ей бракъ Ягеллы, были внесены въ Актъ соединенія, но извѣстна та тирапнія, которую наложили Поляки на эти земли, преслѣдованіе иновѣрцевъ (диссидентовъ), и вообще извѣстны причины, вызвавшія страшное возстаніе Хмельницкаго противъ этого братскаго соединенія. Это событіе должно бы было поставить затрудненія славянской системѣ Мицкевича и поэтому онъ счелъ за лучшее умолчать о немъ, а равно и о той ролп, которую играло въ Москвѣ его отечество въ исторіи Лже-Димитріевъ. Можно-ли, наконецъ, говорить безъ негодованія о томъ, какъ патріотическая польская школа смотритъ на религіозный вопросъ Славянъ? ибо въ этомъ пунктѣ непослѣдовательность и ложь доходятъ до богохуленія. Мицкевича затрудняло то обстоятельство, что Польша была чужда и даже враждебна дѣлу святыхъ Кирилла и Меѳодія, хотя

эти святые работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать христіанство понятнымъ для Славянъ. Онъ утверждаетъ, что они дѣлали это по внушенію святаго римскаго престола. Утвержденіе, поистинѣ, страшное! особенно если припомнить, что папы нѣсколько разъ, при жизни св. Меѳодія и послѣ его кончины, осуждали славянскую литурію и что въ Чехіи и Далмаціи эта литурія была подавлена силою. Но какъ можетъ онъ дѣлать изъ Польши средоточіе христіанской жизни Славянъ, если Польша до сихъ поръ терпитъ употребленіе въ богослуженіи чужаго языка и всегда болѣе или менѣе преслѣдовала славянскую литургію? Польскій теоретикъ не смущается и на этотъ разъ. Что-же въ этомъ дурнаго? спрашиваетъ онъ. Развѣ недостаточно того, что обученіе народа закону Божію ведется на родномъ языкѣ? *Будетъ-ли народъ когда либо въ состояніи понимать священное писаніе и литургію?!* Нѣтъ! Въ такомъ случаѣ будутъ-ли эти книги переведены или нѣтъ, будутъ-ли формулы при отправленіи таинствъ произносимы по-латини, или по-славянски они тѣмъ не менѣе останутся недоступными пониманію простаго человѣка; понимать ихъ будутъ только нѣкоторые ученые (?!?) (См. Cours 1er, leçon 9). Изъ этого видно,

что для Мицкевича христіанство сдѣлалось чисто условною формою и тайны религіи стали привиллегіею ученаго класса. Естественно, что понятое такимъ образомъ христіанство теряетъ свою Божественную сущность въ системѣ польскаго патріота, который, выдавая себя за апостола ея, невольно долженъ былъ придти къ тому, что христіанство стало въ его глазахъ недовлѣтельно. На дѣло Христа онъ смотритъ, какъ на недокопченное и богохульно дополняетъ его всѣмъ польскимъ народомъ, который долженъ, по его мнѣнію, совершить искупленіе грядущихъ поколѣній. Чтобы дать своему вѣрованію опору, онъ прибѣгаетъ къ чуду, пбо характеръ таковаго носитъ въ теоріи Мицкевича появленіе новаго Мессіи, Котораго требуетъ его вѣрованіе. Мои выраженія были суровы. По зачѣмъ мнѣ скрывать мое негодованіе, когда я видѣлъ святую область мысли опустошаемою слѣпою страстью, когда я видѣлъ талантливыхъ людей, считающихъ себя патріотами и между тѣмъ пользующихся очевиднѣйшею ложью и строющихъ на ней теоріи, которыя льстятъ ихъ узкимъ идеямъ... L'absurdité de la formule (de Mickcewicz) a condamné la tendance tout entière, et le patriotisme exclu-

sivement polonais, qui a fait nâitre ces principes, ne possède plus d'élements pour les remplacer (p. 18—26).

XXII.

„Между всѣми западными Славянами Поляки занимаютъ *совершенно изолированное положеніе.* Первые жалуются на нихъ и желали-бы, чтобы Поляки присоединились къ ихъ тенденціямъ, но дѣйствительной симпатіи къ нимъ они чувствовать не могутъ. Событія 1848 года подали австрійскимъ Славянамъ на одно мгновеніе надежду видѣть Поляковъ снова соединившимися съ ними. Они съ воодушевленіемъ смотрѣли на появленіе польскихъ депутатовъ на пражскомъ славянскомъ конгресѣ, но-скоро замѣтили, что тѣ ничего не имѣютъ общаго съ ихъ идеями и тенденціями. Поляки желали стать властелинами всѣхъ другихъ Славянъ запада, чтобы увлечь ихъ съ собою въ водоворотъ революціи, посредствомъ которой они надѣялись совершить политическое возстановленіе своего отечества и утвердить свою гегемонію въ славянскомъ мірѣ, между тѣмъ какъ Чехи, Моравы, Словаки, Иллирійскіе Словены, Хорваты и Сербы отклоняли отъ себя

всякую идею разрушенія и помышляли только о мирномъ развитіи своей національности. Обѣ партіи все болѣе и болѣе отдалялись другъ отъ друга; пражскій конгресъ былъ закрытъ и онѣ встрѣтились въ послѣдствіи въ битвѣ на поляхъ Венгріи, причемъ Поляки сражались за революцію, а остальные Славяне стояли за дѣло порядка и монархіи. Такимъ образомъ Поляки отдѣлили свое дѣло отъ дѣла остальныхъ западныхъ Славянъ и сами потеряли возможность вліять на нихъ“ (стр. 28).

Затѣмъ авторъ брошюры переходитъ къ Русинамъ, живущимъ въ восточной Галиціи и на сѣверо-востокѣ Венгріи; говоритъ, какъ въ нихъ возникло національное самосознаніе, пробужденное сочиненіями Зубрицкаго; какъ они всѣмъ сердцемъ преданы православной вѣрѣ, хотя къ нимъ и проникло уніанство; какъ Австрія только тогда перестала игнорировать ихъ національность, когда Поляки показали революціонныя выходки въ Краковѣ и Львовѣ. Освобожденіе отъ крѣпостнаго права галицкихъ крестьянъ въ 1848 году значительно подняло русинскій элементъ, но Поляки съ неописанною яростью напали на эту новую тенденцію. Они выдавали русинскую національность въ Галиціи за изобрѣтеніе австрій-

скихъ бюрократовъ и усплили къ ней свою ненависть и свое ослѣпленіе, не смотря на благородныя старанія чешскихъ, словакскихъ, хорватскихъ и сербскихъ публицистовъ уговорить ихъ прекратить, для ихъ же собственныхъ интересовъ и изъ уваженія къ правамъ національности, навязываніе своего имени и языка населенію, которое, такъ же какъ и они, домогалось автономіи (стр. 30 и слѣд.).

XXIII.

„Добровскій создалъ панславизмъ, доказавъ живое родство различныхъ славянскихъ нарѣчій. Его послѣдователи перенесли идею панславизма на всю область исторической науки и литературы. Да не пугаются передъ употребленнымъ мною словомъ: панславизмъ! Естественно, что Германія и особенно Австрія боятся Славянъ и ихъ союза, которому они всегда, частію по недобросовѣстности, частію по невѣденію, старались придать политическій характеръ разрушенія, въ дѣйствительности совершенно чуждый ему, и дѣлали изъ него пугало для Европы. Чтобы возбудить къ панславизму ненависть запада, онѣ говорятъ, что эта идея приведетъ русскаго

орла къ господству на Адріатическомъ морѣ и на Ельбѣ. Чтобы сдѣлать панславизмъ подозрительнымъ, ему придаютъ демагогическій характеръ и для сей цѣли воспользовались quasi-панславистическими сочиненіями изъ польской прессы... Впрочемъ событія 1848 и 1849 годовъ могутъ доказать, какъ мало имѣютъ склонности къ демагогіи австрійскіе панслависты и какъ далеки ихъ вполнѣ мирныя тенденціи отъ мысли угрожать спокойствію западной цивилизаціи" (стр. 38).

Мы особенно рекомендуемъ нашимъ читателямъ тѣ прекрасные отдѣлы французской книжки, въ которыхъ говорится о Чехахъ и Сербахъ и дѣлается справедливая оцѣнка того пагубнаго и лукаваго римскаго вліянія, которое имѣли на сербскую литературу Вукъ и Копитаръ.

Изъ предъидущаго мы видимъ, что воспитанные въ православіи Славяне представляютъ собою консервативную, вѣрующую, притягиваемую къ Россіи, какъ къ своему умственному центру, расу; *) тогда какъ представляющіе ро-

*) У Славянъ, принадлежащихъ къ римской церкви (Чеховъ, Русиновъ, Галичанъ, Иллирійцевъ, Словенъ) православный духъ тоже еще не вымеръ, ибо у нихъ романизмъ не перешёлъ въ плоть и кровь, какъ у Поляковъ. Чехи не могутъ забыть своего боровшагося противъ нап-

манизмъ Поляки образуютъ свою особую расу, которая исходитъ кровію отъ внушенныхъ Римомъ заблужденій и всѣми оставлена, о которой немногіе сожалѣютъ и никто не любитъ. Православіе стремится къ сплоченію, единству, соединенію; девизъ-же Рима и Польши: „divide et impera.“ Для Польши остается еще единственное спасеніе, единственная надежда, это оставить латинство и обратиться къ православію. Тогда она можетъ возродиться, подобно фениксу, изъ пепла, и сдѣлаться равноправнымъ членомъ въ великой славянской семьѣ. Тогда прекратятся революція и демагогія, ибо внутренній духъ православія консервативенъ и миренъ.

XXIV.

Теперь читатель увидитъ ясно, почему мы обращаемся именно къ русской Церкви, чтобы

ства Гуса, а Галичане массами перебираются тайкомъ черезъ границу, чтобы помолиться въ православныхъ церквахъ. Папская тиранія, похитившая у нихъ не только законную славянскую литургію, но даже торжественно запретившая, при папѣ Іоаннѣ XIII, употребленіе кирилловскихъ письменъ, должна прекратиться. Они должны снова завоевать свою литургію, отказаться отъ службы Риму и продолжать свой славный путь, наслаждаясь полнымъ православіемъ.

она помогла намъ возстановить западную православно-каѳолическую церковь. Мы не будемъ излагать здѣсь широко планъ нашего дѣла, потому что мы подробно изложили этотъ планъ въ другомъ нашемъ сочиненіи, именно: „православно-каѳолическая церковь. Протестъ противъ папской церкви и приглашеніе къ основанію каѳолическихъ національныхъ церквей.“ Мы просимъ поэтому благосклоннаго читателя обратить вниманіе на это сочиненіе и особенно на заключающуюся въ немъ просьбу къ Св. Правительствующему Синоду Русской церкви.

Слѣдующія положенія могутъ означить тотъ путь, которымъ можно достигнуть осуществленія западной православно-каѳолической церкви:

Единая, святая, каѳолическая и апостольская церковь была видима и осязаема, и обнимала всё христіанство, доколѣ великая римская схизма не разорвала востокъ и западъ.

„Statuo quo“ въ вѣрѣ и церковномъ управленіи (какъ это было до раздѣленія церквей) сохраненъ только восточною церковію. Римъ же шелъ отъ одного нововведенія къ другому, обнародывалъ одинъ догматъ за другимъ, создавалъ или отмѣнялъ одно правило въ слѣдъ другаго. Так. обр. восточная церковь есть вѣрная пред-

ставительница нераздѣльнаго христіанства, т. е. церкви, которая обнимала весь міръ и была единственною неоспоримою церковію вселенскою прежде, чѣмъ Римъ раздѣлилъ христіанство на два враждебныхъ лагеря.

Протестантизмъ, какъ созданіе новѣйшее, какъ отрицательный протестъ противъ развращеннаго состоянія средневѣковаго Рима, какъ субъективное человѣческое построеніе, безъ объективнаго Божественнаго основанія, не можетъ войти въ наше разсужденіе. Мы имѣемъ дѣло съ видимою, историческою, каѳолическою церковію, которую основали Христосъ и Апостолы. Этой церкви Апостолы дали не мертвую книгу (библію), но живой, основанный на преданіи и переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію, залогъ вѣры.

Православная церковь есть безспорно церковь нераздѣльнаго христіанства, ибо она покоится на седьми вселенскихъ Соборахъ, которые признаны основаніемъ церкви нераздѣльнаго христіанства. Так. обр. какъ вѣрно то, что церковь нераздѣльнаго христіанства была одна единственно истинная каѳолическая церковь, за исключеніемъ всякой другой; такъ вѣрно и то, что православная церковь есть одна единственно

истинная каѳолическая церковь, за исключеніемъ всякой другой.

Так. обр. ни церковь римская, ни исповѣданія протестантскія (къ которымъ принадлежитъ и англиканская церковь) не могутъ претендовать быть церковію каѳолическою или ея частію; онѣ суть церкви иновѣрныя иномыслящія и находятся внѣ церкви. Какъ скоро онѣ уразумѣютъ эту истину, на нихъ будетъ лежать обязанность немедленно оставить свои церкви и перейти въ православіе.

Хотя восточная церковь есть теперь единственная хранительница православія, однакожь выраженія: „восточная церковь“ и „православная церковь“ вовсе не тождественныя и синонимическія понятія. На первый взглядъ оба эти понятія совершенно совпадаютъ; но какъ до схизмы существовала западная православная церковь, такъ и теперь она можетъ вступить въ жизнь. Такъ что православная церковь будетъ тогда состоять изъ двухъ сестеръ, церкви восточной и церкви западной.

По плану Божественнаго Провидѣнія и по внушенію св. Духа Апостолы основали не только восточную, но и западную церковь, и обѣ церкви произвели сонмъ святыхъ и церковныхъ

учителей: такъ что было-бы ослѣпленіемъ или дерзостію, которая граничитъ съ богохульствомъ, отказать западной церкви въ существованіи, если она соотвѣтствуетъ требованіямъ православія.

Только близорукіе и ограниченные умы могутъ утверждать, что житель запада могъ-бы скинуть съ себя свою природу и свою западную особенность, (какъ скидываютъ сюртукъ), и найтись „восточникомъ“ и по рѣчи и по образу мыслей. Можно, конечно, чрезъ изученіе (Studium) и чрезъ обращеніе съ людьми мало-помалу ориѣнтировать себя въ чужомъ мірѣ идей; но въ наше существо, нашу плоть и кровь никогда не перейдетъ ничто чужое. Іеронимъ долго жилъ на востокѣ, но остался совершенно „западникомъ.“ Сравните бесѣды Василія или Златоуста съ бесѣдами Августина и Льва и вы увидите большое различіе. Господь сдѣлалъ насъ „западниками“ и человѣкъ не долженъ, не можетъ и не смѣетъ дѣлать насъ „восточниками“, не смотря на то, что онъ никогда и не успѣлъ бы достигнуть этого. Внѣшне еще можно перемѣнить (umändern) человѣка, но его духъ и его сердце остаются тѣмъ, чѣмъ были.

XXV.

Теперь раждается вопросъ: какъ осуществить возстановленіе западной православно — каѳолической церкви.

Мы объ этомъ уже говорили на стр. 20 и 21 вышеупомянутаго сочиненія и просимъ прочитать относящійся къ этому мѣста. Здѣсь мы сдѣлаемъ дальнѣйшія замѣчанія. Если бы мы пожелали возстановить западную православную досхизматическую церковь на антикварный ладъ (antiquarisch), — то это было-бы пространное историко-критическое ученое изслѣдованіе, которое не входитъ въ наше намѣреніе. То, чего мы добиваемся, есть практическое рѣшеніе вопроса: „какъ можемъ мы теперешнюю инославную западную церковь обратить въ православную такимъ образомъ, чтобы по своему существу она была подобна церкви до-схизматической? Удали всё неправославное изъ римско-католическаго ученія и римско-католическихъ церковныхъ книгъ, — и будешь имѣть, по существу, до-схизматическую православно-каѳолическую западную церковь. Таковъ нашъ отвѣтъ.

И этимъ образомъ нашъ путь существенно упрощенъ и точно опредѣленъ.

Спрашивается, должны ли мы совершить полную православную ревизію римско-католическихъ церковныхъ книгъ *прежде*, чѣмъ приступимъ къ основанію западной православно-каѳолической церкви? Мы отрицаемъ этотъ вопросъ рѣшительно и думаемъ, что нижеслѣдующее предложеніе гораздо практичнѣе и сообразнѣе съ дѣломъ.

Слѣдуетъ взять римскій служебникъ, въ которомъ находится „послѣдованіе литургіи“; въ этомъ служебникѣ измѣняющіяся (смотря по праздникамъ и временамъ года) составныя части богослуженія напр. входъ (introitus), апостолъ и Евангеліе, отмѣчены особо. Впрочемъ эти измѣняющіяся части литургіи составляютъ самую незначительную ея часть. Мы пересмотримъ прежде всего „самое послѣдованіе литургіи“, которое содержится на 20ти 30ти страницахъ въ октаву. Это не очень большая работа и при каждодневномъ часовомъ трудѣ можетъ быть окончена впродолженіе одного мѣсяца со всею легкостію. Но мы желали бы даже сократить и эту работу и довести ея до минимума. По этому мы уже пересмотрѣли (revidirt) „послѣдо-

ваніе литургіи“ и нашъ трудъ представляемъ на благоусмотрѣніе православныхъ духовныхъ судовъ, въ случаѣ если они найдутъ возможнымъ сдѣлать изъ него употребленіе.

Измѣняющіяся же части литургіи, какъ незначительныя по объёму, могутъ быть обревизованы въ теченіе года, — такъ чтобы къ концу истекшаго мѣсяца было сдѣлано и пересмотрѣно всё, что нужно для мѣсяца наступающаго. Т. обр. можетъ быть совершаема полная литургія.

Если возмутся за дѣло такъ практически, то послѣ четырехъ шести недѣль можетъ быть начато служеніе литургіи. И такъ какъ литургія есть душа богослуженія, солнце и центръ, около котораго вращается всё, — то съ началомъ совершенія литургіи наша западная православная церковь вступитъ въ жизнь. Для сего слѣдуетъ поручить нѣкоторымъ западнымъ священникамъ, уже перешедшимъ въ православіе, принимать обращающихся въ православную церковь по правиламъ русской церкви. *) Исповѣдь и другія таинства предварительно могутъ быть совершаемы по восточному обряду, доколѣ будутъ

*) Послѣдованіе, какъ принимать христіанъ инославныхъ въ прав. церковь, переведено на нѣм. языкъ Берлинскимъ протоіереемъ Серединскимъ.

пересмотрѣны западныя церковныя книги; литургія же будетъ совершаема тотчасъ по обряду западному.

Т. обр. наша западная православная церковь менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, можетъ вступить въ жизнь, если бы даже окончаніе ревизіи и полное введеніе западнаго обряда потребовали болѣе значительнаго времени.

Какъ скоро готова наша литургія, — мы имѣемъ ключь къ нашей церкви и можемъ её тотчасъ отворить.

XXVI.

Прежде всего необходима поспѣшность, если мы не хотимъ потерять въ пользу Рима значительную часть душъ, жаждущихъ спасенія, въ церкви англиканской. Эти люди чувствуютъ потребность въ церкви съ дѣйствительными священниками и таинствами, — и не хотятъ оставаться въ состояніи ожиданія, при неопредѣленныхъ надеждахъ. Они хотятъ видѣть предъ собою существующую, видимую, осязаемую церковь, — не ту, которая пока-мѣстъ существуетъ только въ идеи. Они скорѣе, за недостаткомъ лучшаго, перейдутъ въ церковь римскую.

Настоящее время есть самое благопріятное для нашего дѣла. Повсюду господствуетъ глубокое отвращеніе противъ ультрамонтановъ. Даже у самыхъ отъявленныхъ (krassen) папистовъ обнаруживается къ нимъ непріязнь. Протестанты погружаются всё болѣе и болѣе въ сомнѣніе и невѣріе и чрезъ то открываютъ глаза болѣе вѣрующей части ихъ братьевъ, которые съ душевною тоскою обращаютъ взоры къ церкви, какъ надёжной пристани. Но гдѣ та церковь, къ которой они могли бы примкнуть? Римская церковь отталкиваетъ даже своихъ собственныхъ дѣтей; какъ сталъ-бы къ ней стремиться иностранецъ? Восточная церковь отъ нихъ такъ далека. Они её не знаютъ и не имѣютъ даже желанія знать, потому что съ молокомъ матери всосали въ себя предразсудокъ, что эта церковь окочепѣла въ механизмѣ и суевѣріи. И если они случайно войдутъ въ русскій и греческій храмъ, то частое совершеніе крестнаго знаменія и поклоновъ уже достаточны, чтобы утвердить ихъ въ ихъ старомъ предразсудкѣ. Но если мы представимъ ихъ глазамъ западную прав. церковь, то ихъ западный духъ тотчасъ поймётъ её и полюбитъ.

Главный споспѣшникъ нашего дѣла есть самъ

папа, который настоящимъ римскимъ соборомъ оказываетъ плохую услугу своей церкви. Quem Deus perdere vult dementat. Папа хочетъ сдѣлаться непогрѣшимымъ и требуетъ, чтобы его вѣрующіе дали ему бланковый листъ, на которомъ онъ (или лучше іезуиты) могли бы написать все, что имъ заблагоразсудится. Вмѣсто того чтобы оставаться спокойнымъ и чрезъ-то заставить забыть содержаніе извѣстной энциклики и силлабуса, — онъ поступаетъ всё хуже и хуже. Для примѣра мы упомянемъ здѣсь о двухъ пунктахъ, и во-первыхъ о злоупотребленіи, которое Пій IX допускаетъ съ канонизаціею святыхъ. Эта канонизація приняла въ послѣднее время чисто дьявольскій характеръ; кровожадный великій инквизиторъ Арбуесъ (Arbues) и осквернитель гробовъ (Grabschänder) Кунтцевичъ возвесены на алтарь и предложены вѣрующимъ для почитанія.

Въ Арбуесѣ олицетворенъ тотъ принципъ, который требуетъ для церкви *власти надъ* тѣломъ. Кунтцевичъ же есть живое олицетвореніе развращеннаго Поляка, со всѣми его недостатками и ошибками. Въ Кунтцевичѣ Полякъ чтитъ самого себя и поклоняется своей національности, которая сфабрикована Римомъ и обезображена

до невозможности узнать. Канонизація Куптцевича была чѣмъ то въ родѣ козыря, которымъ разгиѣванный папа сходилъ противъ Россіи, и нужно отдать папѣ полную справедливость, что онъ не могъ избрать лучшаго представителя Польши, какъ Іосафата Куптцевича. Кто хочетъ узнать что нибудь объ этомъ чудовищѣ — І. Куптцевичѣ, тотъ пусть прочтетъ книгу протестантскаго проповѣдника Л. Буассарда: „L'Eglise de Russie“ Paris 1867 (том. II, стр. 109—115). Стоитъ такъ же прочитать книгу и іезуита Мартинова — римскаго біографа и панегириста этого новаго святаго. Іосафатъ, какъ извѣстно, былъ „gelyncht“ измученнымъ и раздраженнымъ народомъ. Тогда Урбанъ VIII написалъ Сигизмунду III, характеризующія папство, слова: „проклятъ тотъ человѣкъ, который держитъ мечъ въ ножнахъ и сомнѣвается пролить кровь („Ecclesia non sitit sanguinem.“?!) Не щади огня и меча! Воодушевись праведнымъ гнѣвомъ! Казнію нечестивыхъ осуши слёзы опечаленной церкви!“

Это приводитъ насъ къ другому пункту: *къ нетерпимости, преслѣдованію и плотской казни*, на которыя римская церковь заявляетъ свои притязанія. Уже Гимерикъ тарраконскій (въ 4 стол.) требуетъ, чтобы непзлечимые члены были вырѣ-

зываемы. Такъ и далѣе это тѣлесное принужденіе продолжалось въ западной Церкви, по кр. мѣрѣ, на практикѣ, хотя въ теоріи боялись его допустить, и произносили устами выраженіе: „Ecclesia non sitit sanguinem.“

Предавали еретика свѣтской власти для наказанія, проливали нѣсколько крокодиловыхъ слёзъ и умывали себѣ руки въ неповинности. Если церковь не одобряла сожженія еретиковъ, то она имѣла въ рукахъ довольно духовныхъ средствъ (напр. отлученіе и запрещеніе), чтобы удержать правительство и народъ отъ такого поведенія. Но она этого не дѣлала и этимъ показывала свой настоящій духъ.

Православная церковь руководствуется принципомъ *терпимости* и этимъ образомъ возвратила въ свое лоно милліоны раскольниковъ. Николай Тургеневъ („La Russie et les Russes“ Paris 1847. III. 76), очевидно достовѣрный свидѣтель, говоритъ, что вѣротерпимость есть характеристическая черта русскаго народа и русскаго правительства. Патріархъ константинопольскій Максимъ, въ своемъ письмѣ къ Іованни Моцениго, венеціанскому Дожу (1480 г.), говоритъ, что законъ Божій не допускаетъ никакого принужденія. Кпріакъ Ламприосъ („Le Turban et la

Tiare“ Paris 1865 р. II.) говоритъ: „есть исламизмъ сильный и исламизмъ слабый, — какъ это случается съ папизмомъ и со всякою другою вѣрою, которая допускаетъ право насилія въ дѣлѣ религіи; — онѣ бываютъ жестоки и высокомѣрны, если располагаютъ матеріальною силою, — сговорчивы и льстивы, если эта сила отъ нихъ ускользаетъ. Церковь восточная, — и пусть это будетъ сказано къ ея вѣчной чести, — никогда не допускала этого *антихристіанскаго* принципа. Она отвергала его устами своихъ іерарховъ и учителей всегда и во всѣхъ случаяхъ. Она торжественно осудила его на соборѣ св. Софіи, который былъ собранъ для осужденія флорентійской сдѣлки.

Прав. церковь читаетъ въ Евангеліи (Лук. 9, 54. 55): Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ (Самаритянъ), какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ обратясь къ нимъ воспретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа. Ибо сынъ человѣческій пришёлъ не погублять души, но спасать.“ И опять І. Христосъ говоритъ Петру (Мѳ. 26, 52): „вложи мечъ твой въ ножны его; ибо всѣ поднявшіе мечь, мечёмъ погибнутъ.“ И еще: „кто будетъ благовѣствовать вамъ не то, что вы приняли, да будетъ проклятъ“ (Гал. 1, 9).

Так. обр. папа, въ слѣдствіе ясныхъ словъ Евангелія, которое онъ мнитъ проповѣдовать, — проклялъ самъ себя.

XXVII.

Обстоятельства времени чрезвычайно благопріятны для возстановленія западной прав. церкви. Но нужно немедленно приступить къ дѣлу, чтобы не прозѣвать времени, когда свѣтитъ солнце.

Упомянутое прошеніе къ св. прав. Синоду русской церкви, покрытое значительнымъ числомъ подписей, — уже послано по его назначенію. Слѣд. первый шагъ къ осуществленію великой идеи сдѣланъ. Дай Богъ, чтобы Онъ направилъ и воспламенилъ сердца высшихъ церковныхъ судовъ къ скорому окончанію дѣла, которое можетъ стать благословеніемъ Европы.

Заключимъ теперь тѣми же словами, которыми мы заключили наше сочиненіе: „православно-каѳолическая церковь.“

Любезные восточные братья! Позвольте мнѣ опровергнуть предразсудокъ, который я нашелъ у нѣкоторыхъ изъ васъ. Именно, я слышалъ, какъ православные говорятъ: „мы не хотимъ имѣть никакого дѣла съ западною церковію. Кто хочетъ сдѣлаться православнымъ, тотъ дол-

женъ сдѣлаться восточнымъ.“ Тѣ, которые такъ говорятъ, совершенно не знаютъ, что Апостолы основали не только восточную, но и западную церковь; что мы, жители запада, имѣемъ такое же право на существованіе, какъ и жители востока; что мы никогда не можемъ сдѣлаться истинными жителями востока, потому что наша внутренная природа не можетъ отречься отъ самой себя.

Испытайте это и вы увидите, что вы получите, можетъ быть, малую горсть обращенныхъ къ восточной церкви; напротивъ тысячи потекутъ къ православной западной церкви, потому что она болѣе соотвѣтствуетъ ихъ западному быту и ихъ природѣ. И притомъ, что за интересъ имѣете вы сдѣлать насъ неистинными восточниками? Ни востокъ, ни западъ не дѣлаютъ православными, но православіе, которое не приковано ни къ какой землѣ. Если вы намъ откажете сдѣлаться западными православными, то будете виновны въ томъ, что тысячи бросятся въ протестантизмъ, которыхъ вы могли привести въ православіе, если бы не поставляли имъ несправедливаго требованія отказаться отъ ихъ западной природы.

Мы уповаемъ о Господѣ, что большинство православныхъ согласится, что это совершенно

напрасное дѣло навязывать западу восточную обрядность. „Naturam si furca expellas, tamen usque recurret“. Напротивъ западная правосл. церковь тѣмъ крѣпче будетъ держаться восточной, что она не имѣетъ въ мірѣ никакого другаго друга. И восточная церковь должна раздовать-ся, что послѣ тысячелѣтняго одинокаго дѣланія, она, наконецъ, опять получитъ друга и вѣрнаго сотрудника въ вертоградѣ Господа.

И теперь, восточные братья, взгляните на встрѣчу этому великому и славному дню, когда мы будемъ стоять у вашихъ алтарей, а вы у нашихъ, и будемъ праздновать торжество соединенія и общенія церковнаго. И вы, любезные западные братья, возчувствуйте утѣшеніе и радость избѣжать ига и тиранніи папскаго раскола и папской ереси и достигнуть безопасной пристани православія. Тогда мы воспоемъ: „слава въ вышнихъ Богу“, а наши братья отвѣтятъ намъ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный.“

Начните тотчасъ и съ твердостію дѣло *viribus unitis!* Благословеніе Божіе не оставитъ насъ.

КОНЕЦЪ.

Печатано въ типографіи Г. Петца въ Наумбургѣ.